

**ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ
И ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В КРЫМУ**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ

(5-6 НОЯБРЯ 2019, МОСКВА)

**PERSPECTIVES AND CHALLENGES OF THE
LANGUAGE POLICY AND LANGUAGE SITUATION IN
THE REPUBLIC OF CRIMEA**

**INTERNATIONAL ROUND TABLE
(5-6 November 2019, Moscow)**

Moscow
2019

ФГБУН Институт языкознания РАН
Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям

Научный центр «Восточная Европа» (GiZo)
Гиссенского университета им. Юстуса Либига

Ассоциация российских социолингвистов

**ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ
И ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В КРЫМУ**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ

(5-6 НОЯБРЯ 2019, МОСКВА)

Москва
2019

Russian Academy of Sciences
Institute of Linguistics of RAS

Institute for Slavic Studies
Justus Liebig University Giessen
The Giessen Centre for Eastern European Studies (GiZo)

Association of Russian sociolinguists

**PERSPECTIVES AND CHALLENGES OF THE
LANGUAGE POLICY AND LANGUAGE SITUATION
IN THE REPUBLIC OF CRIMEA**

INTERNATIONAL ROUND TABLE
(5-6 November 2019, Moscow)

Moscow
2019

УДК 811.15 (08)
ББК 81.2
Я 41

*Round table materials published with financial support
of the Volkswagen foundation*

Executive editors:

Monika Wingender, A.N. Bitkeeva, E.V. Khilkhanova

Editorial board:

*V.M. Alpatov, V.Yu. Mikhalchenko, M.Ya. Kaplunova, S.V. Kirilenko,
V.A. Kozhemyakina, N.G. Kolesnik, E.A. Kondrashkina, M.V. Oreshkina*

Perspectives and challenges of the language policy and language situation in the Republic of Crimea: *International Round table* (Moscow, 5-6 November 2019): Reports and communications / Executive editors: Monika Wingender, A.N. Bitkeeva, E.V. Khilkhanova — Moscow, 2019. — 100 p.

ISBN 978-5-6041117-8-9

This collection includes articles of the participants of the International round table “Perspectives and challenges of the language policy and language situation in the Republic of Crimea”, organized in collaboration by Institute of Linguistics of RAS and Institute for Slavic Studies Justus Liebig University Giessen, the Giessen Centre for Eastern European Studies (GiZo) from 05-06 November, 2019 in Moscow. The problems touched upon by the authors include a wide range of questions which are bound up with language situation and language policy in the Russian Federation, functioning of ethnic languages in modern conditions in Russia and in particular analyses of concrete language situation, language policy, language legislation in the Republic of Crimea.

© Институт языкознания РАН, 2019

УДК 811.15 (08)

ББК 81.2

Я 41

*Материалы круглого стола подготовлены при финансовой поддержке
фонда Volkswagen*

Ответственные редакторы:

Моника Вингендер, А.Н.Биткеева, Э.В. Хилханова

Рецензенты: д.ф.н., проф. Т.Г. Боргоякова

д.ф.н., проф. Г.А. Дырхеева

Редакционная коллегия: В.М. Алпатов, М.Я. Каплунова, С.В. Кириленко,
В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник, Е.А. Кондрашкина, В.Ю. Михальченко,
М.В. Орешкина

Перспективы и вызовы языковой политики и языковой ситуации в
Крыму. Международный круглый стол (Москва, 05-06 ноября 2019 г.):
Доклады и сообщения / Отв. ред. Моника Вингендер, А.Н.Биткеева, Э.В.
Хилханова; Институт языкознания РАН, Научный центр «Восточная
Европа» (GiZo) Гиссенского университета им. Юстуса Либига. —
Москва, 2019. —100 с.

ISBN 978-5-6041117-8-9

Книга подготовлена по материалам Международного круглого стола
«Перспективы и вызовы языковой политики и языковой ситуации в Крыму»
(Москва, 5-6 ноября 2019 г.), организованной совместно Институтом
языкознания РАН и Научным центром «Восточная Европа» (GiZo)
Гиссенского университета им. Юстуса Либига. Материалы сборника
охватывают широкий круг вопросов, связанных с теоретическими и
практическими аспектами языковой политики в Республике Крым и шире в
Российской Федерации. Важным направлением конференции станет
изучение развития языков коренных народов России в контексте языкового
прогнозирования. В книге приняли участие ведущие специалисты в области
социолингвистики. Издание рассчитано на филологов, историков,
социологов и широкий круг читателей.

Материалы конференции публикуются в авторской редакции

© Институт языкознания РАН, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новый субъект Федерации – Крым – привлекает пристальное внимание не только политиков, но и ученых, прежде всего уникальностью своей истории: перейдя в 1954 году в состав УССР, обретя в 1991 году автономию и утратив ее в 1995 году, оказавшись в составе Украинского государства, Крым вернулся в Россию в 2014 году. Сегодня актуально проведение социолингвистических исследований в регионе, важность которых обоснована, прежде всего, необходимостью скорейшей выработки адаптационных механизмов в изменившейся языковой ситуации в Республике Крым и гармонизации межнациональных отношений в регионе.

Осмыслению этих процессов посвящен Международный круглый стол «Перспективы и вызовы языковой политики и языковой ситуации в Крыму» (5-6 ноября 2019 г.), который проводится Научно-исследовательским центром по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН, Научным центром «Восточная Европа» (GiZo) Гиссенского университета им. Юстуса Либига и Ассоциацией российских социолингвистов.

В настоящем сборнике, в котором публикуются материалы круглого стола, доклады и сообщения распределены по рубрикам, соответствующим основным направлениям мероприятия: «Республика Крым: перспективы языковой политики и вызовы языковой ситуации», «Языковая биография репрессированных народов России», «Перспективы языковой политики и вызовы языковой ситуации в российском масштабе». Такой формат дискуссии позволит охватить ключевые аспекты языковой ситуации в Республике Крым, вписать ее в общероссийский языковой и социальный контекст, что позволит наметить перспективы языковой политики региона.

Мы надеемся, что проведение данного круглого стола внесет ощутимый вклад в изучение целого ряда как лингвистических, так и экстралингвистических проблем Республики Крым.

РЕСПУБЛИКА КРЫМ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ И ВЫЗОВЫ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

Моника Вингендер

*Научный центр «Восточная Европа» (GiZo),
Гиссенский университет им. Юстуса Либига
(Германия, Гиссен)*

Разнообразие и единство: языковые идеологии в Советском Союзе и Российской Федерации

Для многоязычных стран всегда характерно напряжение между стремлением сохранить языковое разнообразие и необходимостью общего средства коммуникации, требующегося для решения государственных и общественных задач. Советский Союз и Российская Федерация в разные периоды использовали различные модели языковой политики, в которых преобладала одна из этих потребностей.

После национальных движений 1990-х годов и нескольких этапов в управлении языковым разнообразием с начала тысячелетия, в Российской Федерации законодательное закрепление государственных языков республик и национальных языков в качестве факультатива в системе образования (2018 г.) является значительным поворотным моментом. Ввиду этого переломного момента в подходе к многоязычию систематическое сравнение языковых идеологий Российской Федерации с идеологиями Советского Союза приобретает особую актуальность, которая также подтверждается частыми отсылками к советской языковой политике в современном российском публичном дискурсе.

Реконтекстуализация и реинтерпретация ключевых концепций советской идеологии в сегодняшнем дискурсе очевидна. В докладе рассматриваются следующие вопросы: что переносится из советской языковой идеологии в современную языковую политику Российской Федерации? Что относится к традиции, а что является новой концепцией? Примерами таких «переносов» являются построение наднационального единства «советский», аналогичное сегодняшней наднациональной «российской» идентичности, идеологически меняющаяся роль «великого и могучего русского языка» или официальное равенство языков.

Отправной точкой являются разные оценки языковой политики СССР через 28 лет после его распада. Кроме того, новые методологические разработки в социолингвистике способствуют тому, что языковая политика сегодня рассматривается, скорее, с точки зрения дискурсивного анализа, чем посредством анализа языковых ситуаций.

Вида Юозовна Михальченко

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

Динамика языковой ситуации в Российской Федерации

В современном мире существуют, как однопациональные, так и многонациональные государства, причем большинство государств относятся к многонациональным образованиям. Российская Федерация является многонациональным государством, в котором живут представители 193 национальностей, говорящие на 300 языках и диалектах. Исследователи-языковеды называют разное количество языков – от 150 до 180, что связано с известной лингвистической проблемой статуса некоторых языковых образований – «язык» или «диалект». Если же подходить шире, т.е. с точки зрения наличия в стране проживания людей разных национальностей, то следует признать, что в России, скорее всего, найдутся носители большинства языков мира. Поэтому очень важно выделять коренные национальности и языки коренных народов, т.е. таких народов, основная масса которых проживают в России и не имеют своей государственности за рубежом. Конечно, отдельные лица любого народа иногда столетиями, начиная с их предков, проживали в стране, это будут коренные жители, но при наличии своей государственности за рубежом не будут являться коренным народом. Данные соображения важны при организации языковой жизни многонациональной страны, так как у государства имеются особые обязательства по отношению к коренным народам, их культурам и языкам. В России по социолингвистической классификации около 100 (97) коренных народов и их языков (Перепись населения РФ 2010 г., см. также [10]). Остальные жители России, имеющие государственное образование за рубежом и являющиеся мигрантами, в случае их компактного проживания, являются диаспорами, и развитие их языков и культур в большей степени зависят от их самоорганизации и самофинансирования. Это в законодательном порядке зафиксировано в Федеральном законе от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии».

В полиэтничной стране всегда сложно правильно, гармонично построить языковую жизнь. Ведь такое государство представляет собой единство многообразия, где единство обеспечивается языком единения, а разнообразие представлено функционированием в разных сферах общения языков разных народов, разных этносов.

Так, например, языком единения в Китае является ханьский, во Вьетнаме – киньский, в России – русский язык.

В многонациональных странах возможны три типа языковых ситуаций, в зависимости от того, какой из языков в данных странах используется как средство единения, межнационального общения – язык численно доминирующего этноса, язык одного из крупных этносов, язык меньшинства [5]. Язык единения в России – это язык численного большинства – русских, которые составляют по данным переписи 2010 года 80,9% жителей России.

Динамика в организации языковой жизни многонациональной страны в России шла по направлению к законодательному ее регулированию. Сознательное регулирование языковой жизни было и в советское время, что выражалось в планировании объемов преподавания языков в школах, издания на разных языках литературы и т.д. Языковые проблемы решались преимущественно с учетом интеграционных процессов и тенденций развития многонациональной общности, поэтому явно недооценивалось стремление народов СССР сохранять и развивать свои культуры и языки. Часто при планировании социальных функций языков не учитывалось национальное самосознание той или иной этнической общности, ее культурные ориентиры и предпочтения, стремление развивать свой национальный язык и культуру. В условиях перестройки указанные упущения в национально-языковой политике привели к тому, что языковой вопрос в процессах распада Советского Союза стал одним из наиболее важных. Конечно, причины распада были разные – культурные, экономические, политические, но использовать язык в политических целях оказалось очень удобно. Во всех бывших республиках были приняты законы с преимущественно однокомпонентной моделью – титульным языком в качестве государственного, что привело к открытым языковым конфликтам (например, в Молдавии, Украине) или же к длительному противостоянию разных языковых общностей (например, в странах Балтии).

В России удалось избежать крупных языковых конфликтов, так как после принятия республиканских законов о языках был принят Закон о языках Российской Федерации (подробнее см. раздел «Языковое законодательство»). Гармоничное устройство языковой жизни зависит от соответствия языковой политики той или иной языковой ситуации [3].

Языковая ситуация – совокупность форм существования одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [7, 266]. При проведении языковой политики необходимо по возможности выяснять и учитывать социальные потребности носителей языков, их предпочтения по использованию компонентов социально-коммуникативной системы в определенных сферах общения.

Языковая ситуация в Российской Федерации представляет собой достаточно сложное явление, так как в РФ функционируют языки разных генетических групп и семей (индоевропейские, северокавказские, тюркские, монгольские, финно-угорские, тунгусо-маньчжурские, палеоазиатские и самодийские), причем носители этих языков расселены в разных регионах с разной степенью компактности. С другой стороны, как известно, на языковую политику в значительной степени влияет и устройство многонациональной страны. В России 85 субъектов Российской Федерации с разным статусом – территориальное, национально-территориальное и национально-государственное образование. Наиболее благоприятные условия для функционирования этнических языков, расширения их социальных функций имеются в национально-государственных образованиях – республиках. В России 22 республики, где определен статус языков большинства жителей, т.е. функциональных доминант. Естественно, в остальных субъектах РФ функционирует общегосударственный язык, а использование других, нестатусных языков регламентируется другими законами – законом о языках малочисленных народов, о национально-культурной автономии и др.

В России с 90-х годов начата языковая реформа, основная задача которой – возрождение языков России. Поскольку слово «возрождение» не является социолингвистическим термином из-за своей эмоциональности и нестрогости значения, мы предпочитаем термин «восстановление социальных функций языков». Таким образом, цель реформы – восстановление функционирования этнических языков в разных сферах общения.

Плюралистический подход к языковому разнообразию Российской Федерации соответствует основным принципам национально-языковой политики и выражается в варьировании социально-коммуникативных систем в разных субъектах Федерации, как по языковому составу компонентов СКС, так и по количеству этих компонентов. Этим варьированием обеспечивается полный учет культурной, национальной и языковой

специфики того или иного региона. В Российской Федерации разработана такая система языкового законодательства, реализация которой максимально соответствует варьированию этнолингвистических условий в субъектах Федерации. Таким образом, динамика национально-языковых отношений состоит в движении от постулата о «равноправии всех языков» (1990-е годы), который реализовать можно лишь на уровне юридическом, к рациональному распределению труда между языками страны: язык большинства (русский язык) выполняет функции языка единения всего государства, а остальные языки применяются в разных языковых общностях в функции их единения, средства создания и сохранения культуры.

Таким образом, для всех *областей* Российской Федерации характерна однокомпонентная модель социально-коммуникативной системы, в которой функционирует доминанта – русский язык в его литературной, диалектной и просторечной разновидностях. Таким способом организована языковая жизнь однопациональных регионов России, где русские составляют от 80 до 95% населения. Конвенгерция, единение со всей страной обеспечивается государственным литературным русским языком, а единение внутри данной языковой общности – литературным языком и другими формами его существования (просторечием, диалектами).

В других субъектах Федерации при наличии разнонациональных языковых общностей функционируют *двухкомпонентные, трехкомпонентные, многокомпонентные и дифференциальные социально-коммуникативные системы (СКС)*. Варьирование этих систем в разных языковых ситуациях позволяет обеспечивать максимальный учет социальных потребностей различных языковых общностей. Наиболее распространена в Российской Федерации двухкомпонентная модель СКС, включающая два компонента – русский язык как государственный язык Российской Федерации и республиканский государственный язык. Такая СКС характерна для Алтая, Адыгеи, Бурятии, Калмыкии, Ингушетии, Сев. Осетии, Татарстана, Удмуртии, Хакасии, Чечни, Чувашии, Тувы, Якутии. В некоторых республиках (Мордовия, Марий Эл, Коми, Кабардино-Балкария) социально-коммуникативная система представляет собой несколько осложненный вариант двухкомпонентной модели: там представлен русский язык как государственный язык России и 2 варианта одного литературного языка или 2 литературных языка, получивших статус государственного. В многокомпонентных СКС (Дагестан, Карачаево-Черкесия) имеем русский язык как государственный язык РФ и

другие письменные языки, имеющие статус государственных языков Республик. Дифференциальные (экстерриториальные) СКС наблюдаются в разных субъектах Российской Федерации и включают русский язык как государственный язык Российской Федерации, языки малочисленных народов в софункционировании с языками соседних более крупных народов. Конечно, такая классификация типов СКС, хотя и соответствует моделям языковой политики, призванной вывести национально-языковые отношения в стране на новый этап, новый уровень их функционирования, не исчерпывает всех проблем, связанных с трудностями гармоничного распределения труда между компонентами социально-коммуникативной системы. Указанные модели в основном сориентированы, выделены по принципу вычленения национальных и языковых *численных* доминант, титульных народов и их языков, что, кстати, отражено в законах о языках. И тем не менее в некоторых республиках больше статусных языков, чем языковых общностей: некоторые республики придали статус государственного языкам малочисленных народов, проживающих на территории республики, хотя существует специальный закон о языках малочисленных народов, или же придали статус английскому языку, хотя в республике отсутствует англоязычная общность. Конечно, такую общность можно сформировать, обучив определенную часть населения, у которой имеется социальная потребность в иностранном языке. Однако нам представляется, что такие общности, пользующиеся английским языком, организуются во время школьного обучения или же стихийно по мере необходимости и культивируется этот язык в разных сферах – наука, сфера массовой коммуникации, компьютерное дело, туризм и т.д.

Интересно проследить, какова динамика языковых общностей за 25 лет перестройки, языковой реформы.

Значимыми параметрами успешного функционирования языка является численность носителей языка и способы их расселения. По данным переписи 2010 года, наиболее многочисленными этносами Российской Федерации, кроме русских, являются татары (5310649), чувашаи (1435872) и чеченцы (1431360).

I. Языковые общности мажоритарных коренных народов Российской Федерации (более 50000 чел.)¹

Таблица I.

¹Здесь и далее представлены статистические данные на основании результатов Всероссийской переписи за 2010 г., динамика представлена на основе сопоставления с данными Всероссийской переписи за 2002 г.

Название этноса	Основной регион проживания этноса, где этнический язык признан государственным	Название языка	Численность данной национальности в регионе (чел.)	Численность владеющих языком в данном регионе (чел.)	Численность владеющих языком в данном регионе среди данной национальности (чел.)	Доля владеющих языком в данном регионе среди данной национальности (%%)
аварцы	Респ. Дагестан	аварский	850011	799293	663333	78,0
адыгейцы	Респ. Адыгея	Адыгейский	107048	106482	102400	70,6
алтайцы	Респ. Алтай	алтайский	68814	59861	48583	70,6
башкиры	Респ. Башкортостан	башкирский	1172287	893918	790383	67,4
буряты	Респ. Бурятия	бурят-ский	286839	240161	122882	42,84
даргинцы	Респ. Дагестан	даргинский	490384	489638	409166	83,4
ингуши	Респ. Ингушетия	ингушский	385537	385905	260415	67,5
кабардинцы	Кабардино-Балкарская Респ.	кабардино-черкесский	490453	489374	427303	87,1
черкесы	Карачаево-Черкесская Респ.	кабардино-черкесский	56466	56856	49596	87,8
калмыки	Респ. Калмыкия	калмыцкий	162740	154592	70549	43,4
карачаевцы	Карачаево-Черкесская Респ.	карачаево-балкарский	194324	194786	181740	93,5
балкарцы	Кабардино-Балкарская Респ.	карачаево-балкарский	108577	108900	96252	88,6
карелы	Респ. Карелия	карельский	45570	12561	16876	37,0
коми	Респ. Коми	коми	202348	129743	130797	64,6
коми-пермяки	Пермский край	коми-пермяцкий	81084	53751	5285	68,2
кумыки	Респ. Дагестан	кумыкский	431736	433755	342580	79,4
лакцы	Респ. Дагестан	лакский	161276	160389	132345	82,1
лезгины	Респ. Дагестан	лезгинский	385240	384759	340916	88,5
марийцы	Респ. Марий Эл	марийский	290863	212229	198072	68,1
мордва	Респ. Мордовия	мордовский	333112	236125	191164	57,4
ногайцы	1) Респ. Дагестан 2) Карачаево-Черкесская Респ.	ногайский	1) 40407 2) 15654	1) 39594 2) 15572	1) 35850 2) 14329	1) 88,7 2) 91,5
осетины	Респ. Северная Осетия	осетинский	459688	451469	402248	87,6
табасараны	Респ. Дагестан	табасаранский	118848	118767	106963	90,0
татары	Респ. Татарстан	татарский	2012571	1906425	1860294	92,4
тувинцы	Респ. Тыва	тувинский	249299	248655	241092	96,7
удмурты	Удмуртская Респ.	удмуртский	410584	270601	229203	55,8
хакасы	Респ. Хакасия	хакасский	63643	44863	38897	63,1
чеченцы	1) Чеченская Респ. 2) Респ. Дагестан	чеченский	1) 1206551 2) 93658	1) 1208203 2) 93736	1) 1198547 2) 60465	1) 99,4 2) 64,6
чуваши	Чувашская Респ.	чувашский	814750	634531	656872	80,6
якуты	Респ. Саха (Якутия)	якутский	466492	472060	401240	86,0
русские	РФ, все регионы	русский	111016896	137494893	110804126	99,8

II. Динамика мажоритарных языковых общностей в Российской Федерации

Таблица II.

Название этноса	Основной регион проживания этноса, где этнический язык признан государственным	Название языка	Прирост численности данной национальности в регионе	Прирост численности владеющих языком в данном регионе	Прирост численности владеющих языком в данном регионе среди данной национальности
аварцы	Респ. Дагестан	аварский	12%	8%	-9%
адыгейцы	Респ. Адыгея	адыгейский	-1%	-1%	-2%
алтайцы	Респ. Алтай	алтайский	11%	-4%	-12%
башкиры	Респ. Башкортостан	башкирский	-4%	-15%	-13%
буряты	Респ. Бурятия	бурятский	5%	4%	-45%
даргинцы	Респ. Дагестан	даргинский	15%	14%	-3%
ингуши	Респ. Ингушетия	ингушский	7%	8%	-26%
кабардинцы	Кабардино-Балкарская Респ.	кабардино-черкесский	-2%	-3%	-13%
черкесы	Карачаево-Черкесская Респ.	кабардино-черкесский	14%	-3%	4%
калмыки	Респ. Калмыкия	калмыцкий	4%	8%	-50%
карачаевцы	Карачаево-Черкесская Респ.	карачаево-балкарский	15%	14%	10%
балкарцы	Кабардино-Балкарская Респ.	карачаево-балкарский	3%	-2%	-7%
карелы	Респ. Карелия	карельский	-31%	-64%	-47%
коми	Респ. Коми	коми	-21%	-35%	-29%
коми-пермяки	Пермский край	коми-пермяцкий	-22% ²	нет данных ³⁴	нет данных
кумыки	Респ. Дагестан	кумыкский	18%	7%	-5%
лакцы	Респ. Дагестан	лакский	15%	13%	-4%
лезгины	Респ. Дагестан	лезгинский	14%	11%	2%
марийцы	Респ. Марий Эл	марийский	-7%	-16%	-19%
мордва	Респ. Мордовия	мордовский	17%	-5%	-20%
ногайцы	1) Респ. Дагестан 2) Карачаево-Черкесская Респ.	ногайский	1) 6% 2) 5%	1) 4% 2) -0,001%	1) -1% 2) 1%
осетины	Респ. Северная Осетия	осетинский	3%	1%	-7%
табасараны	Респ. Дагестан	табасаранский	8%	5%	-2%
татары	Респ. Татарстан	татарский	1%	-5%	-1%
тувинцы	Респ. Тыва	тувинский	6%	6%	4%
удмурты	Удмуртская Респ.	удмуртский	-11%	-24%	-31%
хакасы	Респ. Хакасия	хакасский	-3%	-6%	-16%
чеченцы	1) Чеченская Респ. 2) Респ. Дагестан	чеченский	1) 17% 2) 7%	1) 19% 2) 1%	1) 19% 2) -31%
чувашы	Чувашская Респ.	чувашский	-8%	-20%	-14%
якуты	Респ. Саха (Якутия)	якутский	8%	6%	-2%
русские	РФ, все регионы	русский	-4%	-4%	-4%

² В связи с преобразованием Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа в Пермский край 1 декабря 2005 г. мы сопоставляли данные Всероссийской переписи 2002 г. по Пермской области и Всероссийской переписи 2010 г. по Пермскому краю.

³Обусловлено отсутствием данных о владении языками (кроме русского) среди населения Пермской области во Всероссийской переписи 2002 г.

Витальность (жизнеспособность) этнических языков измеряется широтой и интенсивностью их функционирования в общественно важных сферах общения. Очень важным показателем витальности является *демографическая мощьность* языка, т.е. уровень владеющих этим языком в сопоставлении с общим количеством соответствующего этноса, так, например, витальность даргинского языка, которым владеют 83,4% даргинцев, выше, чем витальность мордовского языка, которым владеют лишь 57,4% этой общности).

Кроме витальности важным для функционального развития языков является *способы расселения* языковой общности – компактный или же дисперсный. Считается, что при компактном расселении имеются наиболее хорошие условия для функционирования языка. В Российской Федерации имеются разные типы расселения титульных этносов. Эти типы создают разные условия для функционирования и расширения социальных функций языков, получивших статус государственных. Так, например, в некоторых республиках титульная нация составляет подавляющее большинство населения (Чечня – 95,3%), в других республиках больше половины (Чувашия – 65,1%, Калмыкия – 56,2%, Татарстан – 53,2%), в третьих республиках – меньше 40% (Мордовия – 39,9%, Алтай – 33,4%, Башкортостан – 28,8%). Наиболее низкий удельный вес титульной группы в Хакасии (12%) и Карелии (7,1%). Подробнее см. Таблицу III.

III. Удельный вес титульных* народов в республиках РФ

Таблица III.

Республика	Всего жителей (чел.)	Титульный народ	Численность титульного народа (чел.)	Доля данного народа в населении региона (%)
Алтай	206168	Алтайцы	68814	33,4
Адыгея	439996	Адыгейцы	107048	24,3
Башкортостан	4072292	Башкиры	1172287	28,8
Дагестан	2910249	Аварцы	850011	29,5
		Агулы	28054	1,0
		Азербайджанцы	130919	4,5
		Горские евреи (таты-иудеи)	196	0,01
		Даргинцы	385240	16,9
		Кумыки	431736	14,8
		Лезгины	385240	12,2
		Лакцы	161276	5,5
		Ногайцы	40407	1,4
		Рутульцы	27849	1,0
		Табасараны	118848	4,1

		Таты (таты-мусульмане)	456	0,2
		Цахуры	9771	0,3
		Чеченцы	93658	3,2
Ингушетия	412529	Ингуши	385537	94,1
Кабардино-Балкария	859939	Кабардинцы	490453	57,2
		Балкарцы	108577	12,7
Карачаево-Черкесия	477859	Карачаевцы	194324	40,7
		Черкесы	56466	11,8
		Абазины	36919	7,7
		Ногайцы	15654	3,3
Калмыкия	289481	Калмыки	162740	56,2
Карелия	643548	Карелы	45570	7,1
Коми	901189	Коми	202348	22,5
Крым	2327309	Русские	1492078	65,31
		Украинцы	344515	15,68
		Крымские татары	232340	10,17
Марий Эл	696459	Марийцы	290863	41,8
Мордовия	834755	Мордва	333112	39,9
Саха (Якутия)	958528	Якуты	466492	48,7
Северная Осетия	712980	Осетины	459688	68,1
Татарстан	3786488	Татары	2012571	53,2
Тыва	307930	Тувинцы	249299	81
Удмуртия	1521420	Удмурты	410584	27
Хакасия	532403	Хакасы	63643	12
Чечня	1268989	Чеченцы	1206551	95,3
Чувашия	1251619	Чуваши	814750	65,1

* К титульным народам прежде всего причисляют этнические сообщества, этнонимы которых используются в наименовании республики, однако для удобства этот термин используется также и по отношению к тем народам, языки которых признаны государственными, хотя их этнонимы в силу объективных причин не отражаются в названии соответствующего субъекта РФ (абазины и ногайцы в Карачаево-Черкесии (наряду с карачаевцами и черкесами), народы Дагестана).

В республиках, в которых доля титульного народа в населении региона невелика, функциональное развитие соответствующего этнического государственного языка сталкивается с известными трудностями, так как полиэтничное население обычно пользуется общегосударственным языком страны (русским), в связи с чем отсутствует социальная потребность в активном использовании республиканского государственного языка. В 90-е годы во время принятия законов о языках в языковую реформу вкладывались большие надежды на возрождение национальных языков, на значительное расширение их социальных функций. Однако эти надежды не оправдывались. Более

того, динамика функционального развития большинства языков свидетельствует об обратном – о языковом сдвиге, под которым понимается сокращение социальных функций языков по сравнению с советским периодом. Лишь некоторые мажоритарные языки (например, татарский, якутский, чувашский) успешно сохраняют и развивают свои функции в большинстве сфер общения. Отрицательный сдвиг в определенной степени можно объяснить общим экономическим положением в стране, мировым кризисом, который охватил и Российскую Федерацию. С другой стороны, отсутствие положительной динамики в функциональном развитии языков в значительной степени обусловлено языковой политикой, которая проводится в республиках Российской Федерации.

Совершенно очевидно, что для проведения языковой реформы, для реализации законов о языках необходим длительный период, значительные усилия по формированию положительного отношения к республиканскому государственному языку со стороны жителей разных национальностей. Для начального этапа языковой реформы (20–25 лет) очень важно укрепление знания государственного языка республики среди своей собственной языковой общности, что могло бы вызвать более частое применение этого языка в разных сферах общения. Нельзя навязать разным языковым общностям язык, которым не владеет и не пользуется большинство соответствующей этнической общности носителей языка. Здесь таится серьезный потенциал для расширения социальных функций языка. Только те языковые общности, которые уважают свой язык, изучают его, пользуются им активно в разных сферах общения, могут на следующем этапе языковой реформы надеяться на возможность добровольно распространить его в качестве государственного на другие языковые общности. В связи с проведением языковой реформы нередко возникают национально-языковые конфликты, потому что не получается найти гармоничное решение языкового вопроса, особенно в сфере обучения языкам.

К настоящему времени в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации языками обучения являются 33 языка (начальное общее образование). 17 языков применяются на ступени общего образования и 14 – на ступени полного общего образования. В старших классах школы языками обучения являются алтайский, башкирский, бурятский, марийский (луговой), татарский, удмуртский, чувашский, эвенкийский, юкагирский, якутский, т.е., в основном обучение ведется на распространенных языках, т.е. языках, имеющих численно значительную языковую

общность. Кроме того еще 47 языков в РФ изучаются в качестве учебного предмета. В целом в системе образования РФ в школьном учебном процессе функционируют свыше 80 языков. В большинстве республик действуют законы, по которым вводится обязательное изучение республиканского государственного языка как учебного предмета. Это вызывает недовольство разных языковых общностей, в связи с чем складывается тревожная тенденция увеличения обращений граждан в государственные органы власти и в судебные инстанции. В обращениях высказывается недовольство сокращением количества часов на изучение государственного языка РФ – русского и увеличением количества часов на изучение государственного языка соответствующей республики. Наибольшее количество обращений в федеральные органы поступило от граждан Башкортостана и Татарстана, поступали обращения и от граждан Чувашии и Якутии. Например, в письмах указывается на то, что в Башкортостане в старших классах на изучение русского языка отводятся 2 часа в неделю, а на башкирский язык – по 5–6 часов в неделю. Подобный дисбаланс в распределении учебных часов наблюдается и в Татарстане, что вызвало этнолингвистический конфликт [9].

Следует отметить, что наиболее правильным было бы равновесное распределение учебных часов между двумя государственными языками той или иной республики. Однако чаще всего на данном этапе республиканский государственный язык недостаточно развит в функциональном плане, обладая статусом государственного языка, не имеет необходимого функционального статуса. С другой стороны, русскоязычные языковые общности не желают изучать новые статусные языки республик. На это обстоятельство указывают разные исследователи, например, В.М. Алпатов [1]. Данное тревожное состояние национально-языковых отношений в сфере обучения в последнее время широко обсуждалось на заседании Президентского совета по межнациональным отношениям, на заседаниях Государственной Думы. Решением проблемы могло бы стать увеличение количества учебных часов русского языка в соответствии со стандартом Министерства науки и образования, а обучение государственному языку субъектов Федерации могло бы стать факультативным, или же дифференцированным по отношению к различным языковым общностям: например, для татарских детей – 5-6 уроков в неделю, а для детей из других языковых общностей – 1-2 урока в неделю, хотя в республиках многие ученые считают неправильным **добровольное изучение государственного языка.**

Особое место среди языков РФ занимают **языки малочисленных народов –**

миноритарные языки. Для этих языков особенно важна поддержка существующих социальных функций (которые зачастую ограничиваются сферой семейного общения) наряду с необходимостью их исследования и фиксации, так как именно в этой группе языков наиболее интенсивны процессы ассимиляции и велика угроза исчезновения языков. На территории Российской Федерации насчитываются 54 малочисленных народа: на Крайнем Севере и в Сибири – более двух десятков и на Кавказе – более тридцати.

В соответствии с этнографическими критериями, малочисленными народами считаются такие этнические общности, которые проживают на территории своего традиционного расселения и насчитывают менее 50 тыс. человек. К языкам малочисленных народов относятся следующие языки:

IV. Языки малочисленных (миноритарных) народов (менее 50000 чел.) Российской Федерации

Таблица IV.

Национальность	Численность народа, 2010 г.	Динамика численности народа с 2002-2010 гг.	Родной язык данного народа	Численность знающих данный язык в РФ, 2010 г.	Динамика численности знающих данный язык в РФ с 2002-2010 гг.
Абазины	43341	+14,23%	абазинский	37831	-1,09%
Алеуты	482	-10,74%	алеутский	45	-74,29%
Алоторцы	включены в состав коряков		алоторский	25	-37,50%
Андийцы	11780	-45,98%	андийский	5800	-75,56%
Арчинцы	12	-86,52%	арчинский	970	+85,11%
Ахвахцы	7930	+24,37%	ахвахский	210	-96,37%
Багвалинцы	5	-87,50%	багвалинский	1447	2438,60%
Бежтинцы	5958	-3,87%	бежтинский	6072	-6,02%
Ботлихцы	3508	+21825,00%	ботлихский	206	+128,89%
Вепсы	5936	-27,96%	вепский	3613	-37,20%
Водь	64	-12,33%	водский	68	-91,21%
Гинухцы	443	-16,57%	гинухский	нет данных	нет данных
Годоберинцы	427	+994,87%	Годоберинский	128	+24,27%
Гунзибцы	918	-8,02%	гунзибский	1012	-44,97%
Долганы	7885	+8,59%	долганский	1054	-78,34%
Ижорцы	266	-18,65%	ижорский	123	-66,02%
Ительмены	3193	+0,41%	ительменский	82	-78,70%
Камчадалы	1227	-46,49%	язык камчадалов	нет данных	нет данных
Каратинцы	4787	-20,90%	каратинский	255	-96,12%
Кайтагцы	7	+40,00%	кайтагский	нет данных	нет данных

Кереки	4	-50,00%	керекский	10	-33,33%
Кеты	1219	-18,41%	кетский	213	-56,08%
Коряки	7953	-9,04%	корякский	1665	-44,85%
Кубачинцы	120	+36,36%	кубачинский	нет данных	нет данных
Кумандинцы	2892	-7,13%	кумандинский	нет данных	нет данных
Манси	12269	7,32%	мансийский	938	-65,84%
Нанайцы	12003	-1,29%	нанайский	1347	-65,34%
Нганасаны	862	+3,36%	нганасанский	125	-75,25%
Ненцы	44640	+8,08%	ненецкий тундровый и лесной	21926	-29,97%
Нивхи	4652	-9,88%	нивхский	1347	+95,78%
Ороки	295	-14,74%	уйлтский	47	-26,56%
Орочи	596	-13,12%	орочский	8	-96,89%
Рутульцы	35240	+17,75%	рутульский	30360	+3,33%
Саамы	1771	-11,05%	саамский	353	-55,15%
Селькупы	3649	-14,12%	селькупский	1023	-37,66%
Сойоты	3608	+30,30%	сойотский	нет данных	нет данных
Тазы	274	-0,72%	язык тазов	нет данных	нет данных
Таты	1585	-31,18%	татский	2012	-33,29%
Теленгиты	3712	+54,73%	теленгитский	нет данных	нет данных
Телеуты	2643	-0,26%	телеутский	975	-48,47%
Тиндалы	635	+1343,18%	тиндальский	нет данных	нет данных
Тофалары	762	-8,96%	тофаларский	93	-75,40%
Тубалары	1965	+11,33%	тубаларский	229	-47,48%
Удэгейцы	1496	-9,72%	удэгейский	103	-54,63%
Ульчи	2765	-5,08%	ульчский	154	-78,96%
Ханты	30943	+7,90%	хантыйский	9584	-29,36%
Хваршины	527	+311,72%	хваршинский	1737	-7,21%
Цахуры	12769	+23,18%	цахурский	10596	+8,44%
Цезы	11683	-100,00%	цезский	12467	-18,81%
Чамалинцы	24	+100,00%	чамалинский	500	-78,77%
Челканцы	1181	+38,13%	челканский	310	-42,49%
Чуванцы	1002	-7,82%	чуванский	нет данных	нет данных
Чукчи	15908	+0,89%	чукотский	5095	-34,19%
Чулымцы	355	-45,88%	чулымский	44	-83,70%
Шорцы	12888	-7,78%	шорский	2839	-54,28%
Эвенки	37843	+6,52%	эвенкийский	4802	-36,68%
Эвены	22383	+17,37%	эвенский	5656	-21,09%
Энцы	227	-4,22%	энецкий	43	-63,87%
Эскимосы	1738	-0,69%	язык азиатских эскимосов	508	нет данных
Юги	1	-94,74%	югский	1	-99,24%
Юкагиры	1603	+6,23%	юкагирский	370	-38,74%

Именно группа миноритарных коренных народов отличается низкой численностью языковых общностей, поэтому их языки находятся в постоянной опасности исчезновения. В 1996 г. ЮНЕСКО опубликовала «Атлас языков мира, находящихся в опасности» (Новые издания 2001, 2002 гг. [2]). В нем из существующих

в мире 6000 языков 2,5 тысяч были причислены к исчезающим. 116 языков, наблюдаемых на территории Российской Федерации, были отмечены как находящиеся под разной степени «угрозой исчезновения». Среди исчезающих языков значились все языки малочисленных народов Севера Сибири, а также языки малочисленных народов Северного Кавказа, 20 языков были названы как языки, находящиеся в опасности. Отметим, кстати, что к исчезающим были причислены языки, получившие статус государственных (удмуртский, калмыцкий), а другие государственные языки (чеченский, тувинский) были отнесены к группе находящихся в опасности. В России из 156 языков коренных народов, существовавших в XIX веке, 7 вымерли, а десяткам грозит та же опасность [5]. Таким образом, проблема сохранения языкового многообразия в России является весьма актуальной. Об этом говорил Президент страны В.В. Путин на заседании Советов по межнациональным отношениям и по русскому языку. Он выразил обеспокоенность ситуацией с сохранением национальных языков, которые имеют важнейшее значение для гармонизации межнациональных отношений и сохранения языкового разнообразия в России [8]. Среди исчезающих языков находим югский, айнский, убыхский, орокский (уйльтинский), керекский и другие языки.

При решении проблемы языков малочисленных народов необходимо учитывать разницу между сокращением или даже полным вымиранием языковой общности и исчезновением языка. Языковая общность может сокращаться в связи с общей неблагоприятной демографической ситуацией, в связи с возрастом носителей языка, отсутствием механизмов поколенной передачи этого или иного языка, а также в связи с переходом людей из одной языковой общности в другую, что часто встречается в смешанных семьях. Все эти процессы, уменьшающие, сокращающие языковую общность, ведут к сокращению функционирования языка в разных сферах общения. Однако следует помнить о том, что язык не умирает: если он зафиксирован, научно описан, имеются хорошие материалы по разным уровням языка, он навсегда остается в мировой культурно-языковой сокровищнице достижений человеческого разума, и материалы его можно использовать при изучении таких фундаментальных проблем как язык и этнос, общество и язык, мышление и язык, прогресс и язык, т.е. при осмыслении связей Человека и Языка.

Сложна проблема ревитализации языка, т.е. его возрождения, восстановления социальных функций. Эту проблему осложняет то обстоятельство, что в ревитализации социальных функций нуждаются не только 54 языка малочисленных народов, но и

большинство мажоритарных языков народов России, в период перестройки попавших в зону действия отрицательного «языкового сдвига». В стране проводятся попытки такого восстановления – перехода к «языковому сдвигу» со знаком плюс. Так, исследователи из Университета Хельсинки уже два года занимаются ревитализацией нивхского языка. В России по данным переписи 2010 года было 198 нивхов, из которых 118 проживали в Сахалинской области. Исследователи стали проводить простые акции, направленные на повышение престижа нивхского языка: повесили в местных магазинах ценники на нивхском, на автобусных остановках дали нивхские названия населенных пунктов, организовали несколько программ «учитель-учение», на которых носитель нивхского регулярно встречается с несколькими нивхами-учениками, не владеющими этим языком [5].

Интересно отметить, что подобным образом, применяя наглядные пособия, делаются попытки возродить в столице Мордовии Саранске мокшанский и эрзянский языки. Так, например, таблицы с названиями улиц даны на трех языках, включая русский. На мокшанском и эрзянском языках в Мордовии издается литература и периодика, они изучаются в школе и вузах, часть эфира на некоторых радиостанциях ведется на мокшанском и эрзянском языках.

«Для сохранения языков малочисленных народов необходима целенаправленная государственная политика,... в современной России в большинстве случаев беспокоиться надо не столько за русский язык, позиции которого достаточно прочны..., сколько за другие языки» [1]. Позиции русского языка по сравнению с советским временем ослабели в Туве, Якутии, Татарстане. Отметим, кстати, что для ослабления позиций русского языка, для уменьшения, сокращения его функционирования немало сделано проводимой в стране языковой политикой. Так, существует требование к научным сотрудникам печатать свои статьи на английском языке в формате Scopus'a в коммерческих организациях (журналах, изданиях), которые за большие деньги печатают научные статьи для соответствующего рейтинга. Отметим, кстати, что при существующих зарплатах у научных сотрудников такие публикации им недоступны. Другой пример: в Якутии по закону вводится обязательное преподавание английского языка за счет снижения количества уроков русского языка. Ещё пример: в ряде республик, например, в Туве, на основе республиканского закона о двух государственных языках при приеме на работу предпочитается человек, знающий оба государственных языка – русский и тувинский. Имеются попытки в некоторых

республиках (Башкортостан, Марий Эл) при выдвижении кандидатов в президенты республик регистрировать только тех, кто владеет всеми государственными языками республик. Указанные примеры говорят о том, что совершенно необходимо принять закон о языковой политике, в котором следует определить основные принципы сочетания социальных функций государственных языков в условиях «государственного двуязычия и многоязычия», а также расставить акценты о границах функционирования в стране иностранных языков. Совершенно очевидно наличие социальных потребностей в знании английского языка для научных работников – деловых людей, туристов, интернет-пользователей, но эти знания не должны превалировать в общей копилке лингвистических сведений в школьном обучении. Они могут целенаправленно пополняться в течение всей жизни россиян – практикой пользования Интернетом, подготовкой к поездкам, курсами, самостоятельными занятиями и т.д. Во всяком случае, русский язык, являющийся языком международного общения, на основной территории своего распространения достоин защиты, взвешенного подхода к функционированию в разных сферах общения и не допущения превалирования других языков международного общения.

Языковая жизнь полиэтнического государства представляет собой сложное, многоаспектное явление, требующее учета как единения страны, так и языкового разнообразия. Именно поэтому необходимы дальнейшие мероприятия по совершенствованию языкового законодательства, сбалансированного подхода к применению законов о языках ради достижения в многонациональной стране гармонии, языкового мира.

Литература

1. Алпатов В.М. Языковая ситуация в регионах современной России // «Отечественные записки», 2005, № 2, (23).
2. Атлас языков мира, 2001, 2002 гг. ЮНЕСКО.
3. Биткеева А.Н. Основные принципы национально-языковой политики в Российской Федерации // Языковая политика в контексте современных языковых процессов, «Азбуковник», М., 2015.
4. Закон «О национально-культурных объединениях».
5. Newsru.com – MariUver. Языки коренных народов России вымирают». от 29.11.2016 – интернет-ресурс Newsru.com

6. Никольский Л.Б. Языковые ситуации и языковая политика на зарубежном Востоке // «Зарубежный Восток. Языковая ситуация и языковая политика». М., 1986, с. 5–20.

7. Словарь социолингвистических терминов. М., 2006.

8. Степанов В.В. Поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации // Этнографическое обозрение. 2010, № 4, с. 102–115.

9. Сулейманов Р.Р. Этнолингвистический конфликт в современном Татарстане: борьба за русский язык в школах национальной республики // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. Международная конференция (отв. редактор А.Н. Биткеева, В.Ю. Михальченко). Москва, 16–19 сентября 2014, М., 2014, с. 637.

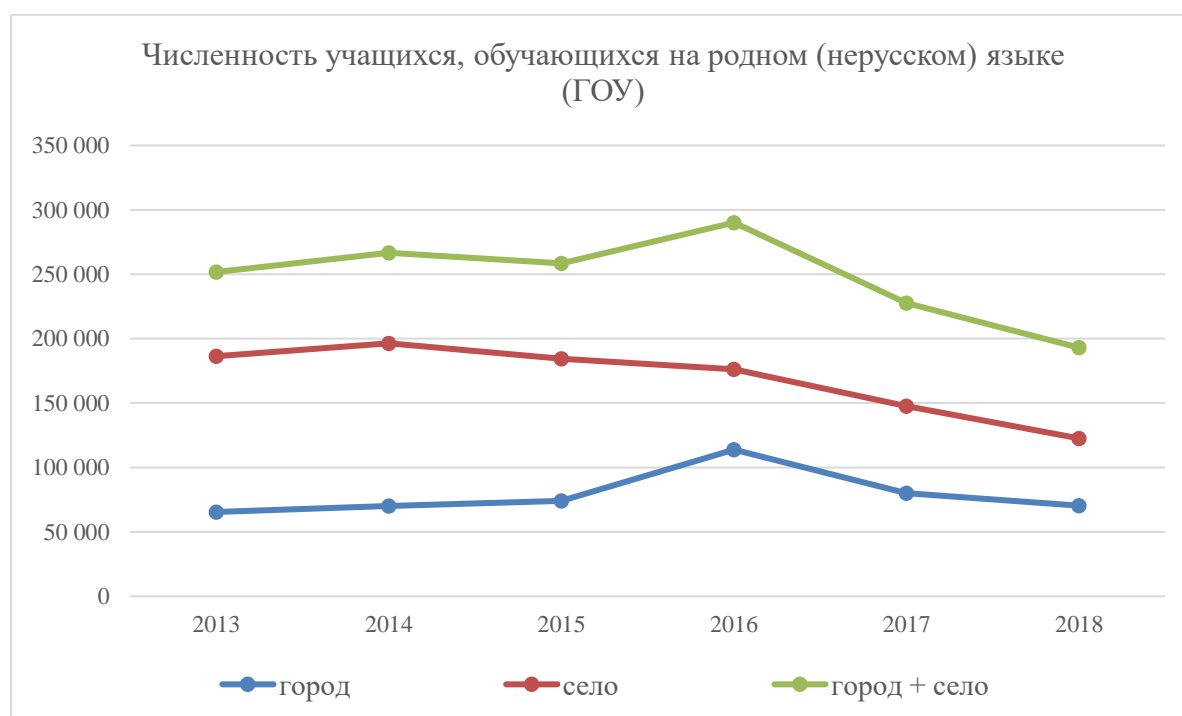
10. Язык и общество. Энциклопедия. М., 2016.

Даниэль Мюллер

*Научный центр «Восточная Европа» (GiZo),
Гиссенский университет им. Юстуса Либига
(Германия, Гиссен)*

Тенденции развития обучения на родных языках и обучения родным языкам в Российской Федерации за последние 6 лет (2013–2018)

По данным Министерства просвещения РФ [1] число учащихся, обучающихся на родном (нерусском) языке в государственных общеобразовательных учреждениях (ГОУ), снизилось за последние 6 лет с 251 800 на 193 040. Сокращение численности составляет 58 760 (т.е. 23%). В то время как в городских местностях ситуация держалась без значительных изменений на низком уровне, в сельской местности намечается особо резкое падение численности учащихся: спад произошел с 186 361 на 122 609 и составляет, таким образом, 63 752 учащихся (т.е. 34 %).

	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Город	65 439	70 215	74 003	113 844	80 084	70 431
Село	186 361	196 404	184 415	176 285	147 585	122 609
Итого	251 800	266 619	258 418	290 129	227 669	193 040

Итоговая численность учащихся, изучающих родной (нерусский) язык как учебный предмет, за последние 6 лет не претерпело значительных изменений, уменьшившись лишь на 22 931 учащихся. В то время как в сельской местности число

учащихся увеличилось практически на 60 000, в городской местности, однако, отмечается явное сокращение численности учащихся с 836 327 на 753 658. Спад численности равен 82 669 учащихся (т.е. 10 %).

	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Город	836 327	863 156	885 635	784 584	813 180	753 658
Село	735 658	778 028	766 122	740 544	785 582	795 396
Итого	1 571 985	1 641 184	1 651 757	1 525 128	1 598 762	1 549 054

Данные сокращения численности учащихся сопровождаются концептуализацией русского языка в политическом и научном дискурсах как «стержень», «скрепы» и «каркас» российской гражданской нации [2, стр. 281–292]. Русский язык ассоциируется с «личной свободой гражданина» [3, стр. 1] и с личным культурным, социальным и экономическим «развитием» [4, стр. 176–177]. Помимо права на обучение на родном языке, а также на обучение родным языкам академик В.А. Тишков подчеркивает и право на ассимиляцию, тем самым обосновывая свободный выбор языка, изучаемого в качестве учебного предмета «родной язык» [5].

Литература

1. Минпросвещения России // URL: https://edu.gov.ru/activity/statistics/general_edu

2. Мюллер Д.: Укрепление единства *российской* нации: анализ риторики государственных концепций // Мюллер Д. / Вингендер М. (ред.): Многоязычие в Волго-Уральском регионе. Том 1: Актуальная языковая политика и языковая ситуация. Франкфурт на Майне, 2017, стр. 281–292.
3. Концепция преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2016 г. № 637-р // URL: <http://static.government.ru/media/files/GG2TF4pq6RkGAtAIJKHYKTXDmFlMAAOd.pdf>
4. Марусенко М.А.: «Новая» парадигма в мировой языковой политике // ФАДН России: Форум-диалог. Языковая политика. Общероссийская экспертиза. Доклады участников. Москва, 2018, стр. 171–178 // URL: http://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/029/832/original/Языковая_п_олитика_сборник_2018.pdf?15
5. Тишков В.А.: Народ не умирает с языком. Историк, этнолог, социальный антрополог Валерий Тишков – о мифах и заблуждениях в языковых вопросах и трагедии в Удмуртии // Известия (12.09.2019) // URL: <https://iz.ru/920557/valerii-tishkov/narod-ne-umiraet-s-iazykom>

Александр Николаевич Рудяков
Крымский республиканский институт
последипломного педагогического образования
(Симферополь, Россия)

Государственный язык и родной язык: время определить понятия

Стремление к адекватности определения не является блажью ученых. Определение как характеристика сущности реалии в сжатой форме передает правила обращения с нею.

Сегодня, видимо, существует несколько десятков определений того феномена, который мы именуем «государственный язык» [1]. Причина такого рода неопределенности в ответе на вопрос, что такое государственный язык, в том, что обыденные представления о языке и о русском языке, далеки от реальности. Здесь-то и нужна георусистика с ее трезвым функциональным демифологизированным взглядом на русский языковой мир [2].

Что такое государственный язык? Для Крыма этот вопрос и сейчас и пару лет назад, когда мы работали над законом об образовании, не был теоретическим. Именно в этой ситуации я предложил свое определение, которое и легло в основу крымской позиции по этому вопросу.

Всякий естественный язык есть орудие, используемое его носителями для социального взаимодействия, которое по форме есть обмен информацией, или коммуникация, а по сути дела, является взаимовоздействием и взаимовлиянием. Социальный диалект есть инструмент социального взаимодействия субъекта с конкретной социальной группой. Территориальный диалект позволяет оптимально взаимодействовать с жителями местности, территории, региона [3]. Государственный язык есть инструмент взаимодействия носителя этого языка с государством. На этом языке или языках государство информирует своих граждан о правилах общежития в этом государстве. На этом языке или языках граждане информируют государство о своих потребностях и чаяниях. Ничего более в собственно понятие государственный язык не входит. То, что я сейчас скажу, звучит достаточно необычно, но необычность не означает ненаучность. Государственный язык – это социальный диалект. И он не может быть ничем иным, кроме как социальным диалектом.

Все остальное – обязательность изучения в школах и вузах и прочее и прочее – формулируется в законах. И чем адекватнее эти законы соответствуют реальной

языковой ситуации в стране, тем охотнее эти законы соблюдаются. Пример негативный, на мой взгляд, это Украина, в которой русофобские языковые законы ничего не могут поделать с объективным доминированием русского языка. Добавлю – и это принципиально – русского языка в его украинском воплощении. Не понимая этого и упрекая жителей Украины, говорящих на русском, в ошибочном словоупотреблении, мы просто отталкиваем от себя «наших» языковых собратьев. И это досадно, потому что языковая идентичность в современном мире намного важнее многих и многих иных.

Термин «родной язык» еще менее определен, им сегодня нередко обозначают совершенно разные явления и факты. Так, этот термин встречается в следующих контекстах: «мы теряем наши родные языки», «дети не хотят учить свои родные языки» и т. д. В этих случаях коллеги, очевидно, подразумевают этнические языки, потому что детям не нужно учить свой родной язык, они его уже по определению знают и говорят на нем с самого раннего детства. То же самое нужно сказать и о первой фразе: что такое «наши родные языки»? Сколько родных языков у человека? По-моему, он может быть только один. Нет, конечно, родители могут поставить себе целью приучить ребенка к двум языкам, но это будет нелегкая задача, и такие случаи следует, скорее, отнести к исключительным. Нельзя использовать термин «родной язык» и для указания на связь национальности человека и некоторого языка (а в некоторых случаях еще встречаются фразы, когда указывается, что человеку от рождения присущ какой-либо язык), поскольку эта связь относительная. Никого же не удивляет, что русский называют своим родным языком не только представители одного этноса. Точно так же для детей эмигрантов из России русский может оказаться уже не родным языком. Мне кажется, что определение родного языка также должно быть функциональным, а самое главное, по возможности, однозначным, чтобы на его основе не возникали новые мифы лингвистики.

Литература

1. Руднев Д.В., Садова Т.С. Русский язык как государственный и современный русский литературный язык (в аспекте реализации Федерального Закона «О государственном языке Российской Федерации») // «Журнал российского права», № 2, 2017, С. 56–66.
2. Рудяков А.Н. Георусистика: русский язык в глобальном мире. М.: «ЛЕКСРУС», 2016. 392 с.

3. Словарь социолингвистических терминов (под ред. В.Ю. Михальченко) / В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006, 312 с.

Мария Васильевна Орешкина

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

Языковое законодательство Российской Федерации: проблемы и решения

В условиях всемирной глобализации в настоящее время особое значение приобретает законодательное регулирование национально-языковых вопросов, от правильного решения которых во многом зависит сохранение и развитие всех языков и культур народов России, укрепление и поддержание национальной безопасности России и ее граждан. Особую актуальность и остроту эти проблемы государственно-правового регулирования языковых отношений имеют в многонациональном и многоконфессиональном государстве.

Для решения вопросов, связанных с многочисленными языками народов России, русским языком как государственным языком Российской Федерации, президент Российской Федерации, законодательная и исполнительная власть государства проводит национально-языковую политику, направленную на консолидацию российского многонационального общества, поддержку, сохранение и развитие всех языков России, создание условий для их полноценного функционирования и изучения, улучшение положения как каждого отдельного языка России, так и языковой ситуации в стране в целом, повышение статуса и роли русского языка в России, в странах СНГ и Балтии, в современном мире.

В докладе кратко рассматриваются основные тенденции государственной языковой политики в современной России, являющейся государством – участником СНГ, на территории которой, включающей 85 равноправных субъектов Российской Федерации (22 республики, 9 краев, 46 областей, 3 города федерального значения, 1 автономная область и 4 автономных округа) [3, ст. 65], по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, проживает более 190 народов, в том числе коренные малочисленные и автохтонные народы страны, и функционирует более 270 языков и диалектов (в том числе приблизительно 80 литературных) (см. [2]).

В целях дальнейшего совершенствования языковой политики в России проводится большая аналитическая работа по обобщению опыта отечественного и зарубежного законодательства, касающегося языков и языковой политики, и предпринимаются конкретные практические шаги по подготовке законов и иных нормативных правовых актов, посвященных языкам и культурам народов России,

вопросам образования, русскому языку и его функционированию в качестве государственного языка Российской Федерации в современном российском обществе, также проводится постоянный мониторинг динамики социально-культурных, социально-психологических и социолингвистических процессов во всех субъектах, республиках и регионах Российской Федерации.

Одним из основополагающих принципов государственной языковой политики РФ является сохранение и защита русского языка, русской культуры и русскоязычного образовательного и информационного пространства России, повышение престижа русского языка как государственного языка Российской Федерации, языка межнационального общения народов России, мирового языка и как фактора укрепления национальной безопасности России. Государственная поддержка русского языка отвечает стратегическим национальным интересам России и обеспечивает надежность государственной безопасности страны и соседних с ней стран СНГ.

Анализ законодательной базы, связанной с русским языком, другими языками народов России, состоящей из совокупности основополагающих документов в области языковой политики, таких как Конституция РФ 1993 года, федеральные конституционные и федеральные законы, такие как Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 года [1], Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 1 июня 2005 г. [6], другие законы, подзаконные акты, указы, постановления, программы, в частности Федеральная целевая программа «Русский язык» [5], выполняемая с 1996 года по настоящее время, другие нормативные документы, в которых определяются порядок и сферы использования русского языка как государственного языка РФ, государственных языков республик, других языков народов России, механизмы защиты прав граждан при использовании языков, меры по сохранению, защите и поддержке языков народов России. В настоящее время в стране действует более 100 законодательных актов, касающихся языков народов России.

Мы также обращались к анализу зарубежного законодательства, с целью творчески использовать опыт зарубежных стран в решении национально-языковых проблем, особенно многоязычных стран и сообществ, таких как Индия, США, Канада, Швейцария, Китай, Финляндия и др. Их опыт языкового законодательства чрезвычайно интересен и полезен.

Следует сказать, что российское языковое законодательство в настоящее время вслед за старейшим в мире французским языковым законодательством стало одним из самых разработанных, значительных, масштабных и гуманных в мировой юридической практике. Языковое законодательство Российской Федерации оценивается российскими и иностранными специалистами в целом как соответствующее международным стандартам.

Важной частью разветвленного российского языкового законодательства являются законы о языках, принятые в республиках и других субъектах Российской Федерации. Конституция РФ, руководствуясь принципами равноправия и самоопределения народов, лежащими в основе федеративного устройства РФ, закрепила за республиками право устанавливать свои государственные языки [3, ст. 68, п. 2]. В Конституции РФ также даны гарантии всем родным языкам народов России «на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» [3, ст. 68, п. 3].

Большинство республик, входящих в состав Российской Федерации, объявили своим государственным языком язык (или языки) своей титульной нации и одновременно русский язык, что нашло отражение в законах о языках этих республик, а также в большинстве случаев и в конституциях республик.

Здесь необходимо отметить, что в новом субъекте Российской Федерации – Республике Крым установлены три государственных языка. В соответствии с Конституцией РФ [3, ст. 68, п. 2], Федеральным конституционным законом от 21 марта 2014 г. «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [7, ст. 2, п. 4] и Конституцией Республики Крым (от 11 апреля 2014 года) [4, ст. 10, п. 1, 2] объявлено, что «государственными языками Республики Крым являются русский, украинский и крымско-татарский языки».

К настоящему времени (от 1992 года) законы о языках были приняты в 19 (из 22) республиках. Не приняты законы о языках в трех республиках – Республике Дагестан, Республике Крым и Республике Северная Осетия – Алания.

Практически все республики, кроме одной – Республики Карелия, объявили своим государственным языком язык (или языки) своей титульной нации или другой (другие) язык народов республики и русский язык, что нашло отражение в законах о языках, а также в большинстве случаев и в конституциях республик, в трех случаях –

только в конституциях республик: это Республика Дагестан, Республика Крым и Республика Северная Осетия – Алания.

В соответствии с языковым законодательством республик в 13 республиках объявлены два государственных языка (русский язык и титульный), в четырех республиках – Крым, Марий Эл, Мордовии, Кабардино-Балкарии – три государственных языка, в Карачаево-Черкесской Республике – пять государственных языков, в Республике Дагестан – 14 государственных языков.

В докладе также рассматриваются проблемы, которые остаются нерешенными и требуют внимания со стороны государства и скорейшего решения. К сожалению, юридическое закрепление за русским языком статуса государственного языка РФ, равно как и закрепление за титульными языкам республик РФ статуса государственных языков республик, не решило многих проблем, имеющих в настоящее время у этих языков, и не обеспечило им полной защиты от отрицательных воздействий. Этому много причин, в том числе и еще не достигшее совершенства само российское законодательство о языках, его некая декларативность, выхолощенность, излишняя стандартность, обобщенность, в отдельных случаях несоответствие реалиям и запросам, расплывчатость и нечеткость формулировок, которые сложно толковать и тем более применять, неясность терминологии, а главное, отсутствие в законодательных актах разработанного механизма реализации многих положений закона. Принятые и действующие законы можно и нужно постоянно совершенствовать.

Помимо общей задачи совершенствования российского законодательства о языках, назрела необходимость обобщить накопленные знания и изложить принципы языковой политики в новом комплексном федеральном законе «Об основах государственной языковой политики», в котором следовало бы предусмотреть правовые нормы по устранению существующих противоречий и недостатков действующего законодательства.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ по проекту №18-012-00846 (2018-2020).

Литература

1. Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 года № 1807-1 (с изменениями и дополнениями).

2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: В 11 томах. – М., 2012-2013.

3. Конституция Республики Крым (от 11 апреля 2014 г.).

4. Конституция Российской Федерации (от 12 декабря 1993 г.).

5. Федеральная целевая программа «Русский язык» на 1996–2000 годы // Постановление Правительства Российской Федерации от 23 июля 1996 г. № 881 «Об утверждении федеральной целевой программы "Русский язык"».

6. Федеральный закон Российской Федерации от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Российская газета, 7 июня 2005 г.

7. Федеральный конституционный закон «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» от 21 марта 2014 года № 6-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2014, № 12, ст. 1201.

Айдер Серверович Аблятинов

Министерство образования, науки и молодежи

Республики Крым

(Симферополь, Россия)

Крым: образование на родных языках

Сохранение и развитие языкового многообразия и защита родных языков являются неотъемлемой частью их этнокультурного развития. Языки народов Крыма являются основой их этнической самоидентификации, отражают исторический опыт, являются инструментом социализации, выражения и передачи этнокультурных традиций. Родным является национальный язык, т.е. язык определенного народа. Родной язык служит одним из основных признаков национальной (этнической) принадлежности человека [1, с. 187]. Каждый вправе свободно определять свой родной язык через его использование в тех или иных сферах. В соответствии со статьей 3 Закона «Об образовании в Республике Крым», «защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов, проживающих на территории Республики Крым, обеспечение <их> языковых потребностей» являются принципом государственной политики в сфере образования в Республике Крым [2].

В Республике Крым законодательно закреплены права граждан на получение дошкольного, начального общего, основного общего образования на родном языке, в том числе русском, украинском и крымско-татарском, а также право на изучение родного языка. Реализация указанных прав обеспечивается созданием необходимого числа соответствующих образовательных организаций, классов, групп, а также условий для их функционирования [2]. В настоящее время в государственных, муниципальных образовательных организациях на трех языках ведется обучение (русский, крымско-татарский, украинский), семь языков являются предметом изучения (армянский, болгарский, греческий, крымско-татарский, немецкий, русский и украинский).

Формируя и реализуя языковую политику в сфере образования в соответствии с общими положениями, действующими в Российской Федерации, компетентные органы Республики Крым выработали оптимальную модель реализации конституционного права граждан на образование с должным учётом прав граждан на использование и изучение родного языка. Согласно этой модели, родные языки народов Российской Федерации, проживающих в Республике Крым, – в т.ч. крымско-татарский и украинский – включены в обязательную часть учебного плана школ и изучаются по заявлениям

родителей (иных законных представителей) учащихся на основе добровольного, свободного, информированного выбора. Подача заявления является обязательной для всех учащихся и их законных представителей.

В течение 2015-2017 гг. организована и проведена работа по подготовке, переводу, редактированию, изданию и поставке 102 наименований оригинальных и переводных учебных изданий (учебники, методические пособия для учителей, хрестоматии, программы, словники) на крымско-татарском языке. В настоящее время обучение ведется на крымско-татарском языке по новым переведённым учебникам по 12 предметам: история, география, обществознание и др. В 2018 году организована работа по подготовке 15 наименований оригинальных учебных изданий по крымско-татарскому языку и крымско-татарской литературе, украинскому языку и украинской литературе для учащихся общеобразовательных организаций.

Общее количество учащихся, получающих общее образование в Республике Крым в 2017/2018 учебном году, составляло 200400 человек. Из них 5683 человека (3%) получали образование на крымско-татарском языке, 318 человек (0,2%) на украинском языке. Изучали в различных формах: как предмет, факультативно и во внеурочной деятельности: крымско-татарский язык 24081 учащихся; украинский язык – 8480 учащихся. В формате учебного предмета на изучение родного языка в зависимости от класса выделяется от 2 до 4 часов в неделю, в формате факультативных и внеклассных занятий – от 1 до 2 часов в неделю.

Следует отметить, что в Республике Крым постоянно работают над тем, чтобы все, кто желает изучать родной язык или получать образование на нем, могли реализовать такую возможность. И крымско-татарский и украинский языки пользуются защитой закона в Республике Крым. Обеспечение условий для обучения на этих языках является официальной задачей республиканских властей. Ни одному из них не отдается предпочтение перед другим. В то же время ни один из родных языков не навязывается обучающимся (родителям, как законным представителям несовершеннолетних) без их желания. Реализация задач по созданию условий для обучения, изучения, поддержки и сохранения родных языков народов Российской Федерации, проживающих в Республике Крым, является мощным фактором развития республики и следовательно, многонациональной России.

Литература

1. Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. С. 187. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// www.iling-ran.ru/library/sociolingva/](http://www.iling-ran.ru/library/sociolingva/)

3. Закон Республики Крым «Об образовании в Республике Крым» от 06 июля 2015 года № 131-ЗРК/2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// www.crimea.gov.ru](http://www.crimea.gov.ru). Раздел – Законотворческая деятельность.

Юрий Владимирович Дорофеев
Крымский республиканский институт
последипломного педагогического образования
(Симферополь, Россия)

О развитии языковой ситуации в Крыму

На современном этапе геолингвистическая ситуация в Республике Крым характеризуется рядом уникальных черт, формирование которых обусловлено спецификой историко-политических периодов, определявших развитие региона в последние двадцать пять лет [2]. Воссоединение Крыма с Российской Федерацией отчетливо определило границы предшествующего исторического периода, который, очевидно, обусловил определенные направления развития и функционирования нынешних государственных языков Республики Крым и который представляет особый интерес не только с социолингвистической точки зрения, но и культурно-исторической.

Определяющим фактором для языковой ситуации в Крыму всегда было функционирование на одной территории трех языков, два из которых являются близкородственными. Кроме того, важную роль играли расхождения между юридическим и фактическим статусами этих языков, что было обусловлено их реальной общественной, культурной и исторической значимостью.

Анализ функционирования русского, крымско-татарского и украинского языков в два различных историко-политических периода позволяет установить направление развития языковой ситуации в Крыму на протяжении достаточно длительного отрезка времени. В украинский период проблема функционирования языков в Автономной Республике Крым неоднократно становилась предметом острых политических дискуссий, поскольку было очевидно, что реальное положение русского, украинского и крымско-татарского языков в Крыму входило в противоречие с их юридическим статусом. Так, украинский язык наиболее широко использовался в официально-деловой сфере, но значительно уступал по степени распространенности и востребованности русскому языку в области культуры, СМИ и науки, что связано не только с открытостью этих сфер деятельности, но и прочными культурными связями между населением Украины, России и других стран. При этом роль языка межнационального общения в полиэтничном обществе Крыма всегда выполнял русский язык. В этом качестве он выступал в оппозиции по отношению к государственному языку Украины, вследствие чего неоднократно возникали нормативно-правовые и социальные коллизии. Однако

анализ социолингвистической ситуации в таких дискуссиях нередко основывался не на научных данных, а на идеологических принципах. На современном этапе сбалансированная языковая политика Российской Федерации позволила устранить указанное выше противоречие, законодательно закрепить статус разных языков на территории Крыма и обеспечить возможность изучения всех родных языков (в том числе русского) в образовательных организациях полуострова. Четкая формулировка юридического статуса позволяет каждому из языков функционировать в тех формах и в тех сферах, которые востребованы жителями региона, при этом в законодательстве сохранена свобода выбора языка обучения и отсутствует требование обязательного изучения всех государственных языков республики. Поэтому современную ситуацию в Республике Крым можно рассматривать как экзогlossную, близкую к сбалансированной [3, с. 266; 191]. В Республике Крым постоянно работают над тем, чтобы все, кто желает изучать родной язык или получать образование на нем, могли реализовать такую возможность. И крымско-татарский, и украинский языки пользуются защитой закона в Республике Крым. Ни одному из языков не отдается предпочтение перед другим. В то же время ни один из родных языков не навязывается обучающимся (родителям, как законным представителям несовершеннолетних) без их желания [1].

Таким образом, положительная динамика языковых состояний и ситуаций в Крыму обусловлена переходом от несбалансированной языковой политики в области развития и функционирования языков к сбалансированной. И для современного языкознания принципиально важно зафиксировать отмеченные выше переломные моменты в языковой жизни региона, поскольку подобный материал дает возможность оценить перспективы и потенциальные сложности функционирования отдельных языков в определенные исторические периоды.

Литература

1. Аблятипов А.С. Крым: образование на родных языках». Симферополь, «Доля», 2018. 104 с.
2. Рудяков А.Н. Георусистика: русский язык в глобальном мире. – М.: «ЛЕКСРУС», 2016. 392 с.
3. Словарь социолингвистических терминов (под ред. В.Ю. Михальченко). – М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.

Лемара Сергеевна Селендили

Крымский федеральный университет

им. В.И. Вернадского

(Симферополь, Россия)

Жизнь крымско-татарского языка в Республике Крым:

реальность и виртуальность

«Все языки мира в соответствии с объемом выполняемых ими социальных и коммуникативных функций образуют определенную иерархическую систему. Место в этой системе выявляет фактический статус языка. В тех случаях, когда статус языка закреплен законодательно, принято говорить о юридическом (официальном) статусе языка» [1]. Согласно ст. 10 Конституции Республики Крым от 11 апреля 2014 г. крымско-татарский язык является государственным языком Республики Крым. Отсутствие закона «О государственных языках Республики Крым» и очевидная реальность свидетельствует об отсутствии фактического статуса и функций крымско-татарского языка на всей территории РК, его декларативном статусе в образовательном пространстве [2; 3-5], что является нарушением языковых прав коренного народа Республики Крым, приводит к политическим спекуляциям и межнациональным конфликтам.

Для понимания комплекса проблем функционирования крымско-татарского языка в образовательной сфере была разработана «Лингвокультурный паспорт региона», а при поддержке Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым проведено анкетирование учебных заведений Республики Крым. Целью работы явилось комплексное изучение динамики функционирования государственных языков народов Крыма, в частности, крымско-татарского языка в образовательной сфере в течение первой российской пятилетки и на современном этапе в контексте особенностей развития языкового законодательства РФ и Республики Крым, а также интеграции крымских татар в многонациональное пространство Российской Федерации, определения места и роли крымско-татарского языка в коммуникативном пространстве Республики Крым, корреляции особенностей речевого поведения крымских татар в полиэтнической среде и развития языковой лояльности у жителей Республики Крым. В процессе анкетирования мы обратили внимание и на условия создания среды погружения, которая крайне необходима для

развития коммуникативных навыков и потребностей у обучаемых на крымско-татарском языке и изучающих крымско-татарский язык в различных формах.

Так, в Крыму функционирует 14 школ и 26 классов с крымско-татарским языком обучения, в образовательный процесс, по-прежнему, вовлечено только 3,1% учащихся крымско-татарской национальности. Центры/ группы дошкольной/двузвучной подготовки на крымско-татарском языке отсутствуют. В 87% школ отсутствует достоверная и систематизированная стендовая информация о праве изучать родной язык и литературу и обучаться на родном языке. Несколько шире развита система дообразования: танцевальные кружки, кружки родного языка, хор и др. есть почти во всех школах. Несмотря на наличие курсов, учителя-предметники не спешат их проходить: нет мотивации, на местном уровне у учителей возникают материальные трудности с прохождением курсов, что ставит в тупик систему образования на крымско-татарском языке. Во многих школах отсутствуют специализированные кабинеты крымско-татарского языка, нередко возникают естественные и искусственные проблемы с учебниками. Научные исследования по крымско-татарскому языку, литературе и методике преподавания крымско-татарского языка практически не проводятся и не финансируются. Учебники создаются без методической базы и апробации.

Литература:

1. Крючкова Т.Б. Статус и функции русского языка в Российской Федерации // Русский язык в современном обществе: (функциональные и статусные характеристики) / Сб. обзоров. Отд. языкознания; Отв.ред.: Опарина Е.О., Казак Е.А. – Сер. Теория и история языкознания [Электронный текст].– Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_15614063_59944894.pdf/

2. Аблязов Э. Проблемы развития образования на родном языке требуют своего неотложного решения // Голос Крыма.– 11.10.2019.– № 41 [Электронный текст].- Режим доступа: http://goloskrimanew.ru/problemyi-razvitiya-obrazovaniya-na-rodnom-yazyike-trebuyut-svoego-neotlozhnogo-resheniya.html?fbclid=IwAR1ERzju68euvjDoE1LryiLbJhykh1AJu6ue4yebpXvXEW2wX_T44VPFVSU& utl t=fb

3. Селендили Л.С. Образование на крымско-татарском языке: проблемы и перспективы // Языковая политика в сфере образования: инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности. Сборник материалов, 2015. – С. 415-425.

4. Селендили Л.С. Проблемы выживания крымско-татарского языка в Крыму и перспективы его развития как языка родного и языка государственного // Языковая политика в сфере образования: инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности. Сборник материалов, 2016. – С. 252–255.

5. Селендили Л.С. О необходимости государственной поддержки, сохранения и развития крымско-татарского языка // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: материалы VII Международной научно-практической конференции (Казань, 16–18 ноября, 2016 г.) / под ред. Р.Р. Замалетдинова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – С. 299–303.

Гузель Фаатовна Габдрахманова
Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
(Казань, Россия)

Язык в системе культурных составляющих этнической идентичности татар в регионах России

Методологические основания для изучения этнической идентичности – теории социального конструирования (П.Бергер и Т.Лукман), этнических границ (Ф.Барт) и национализма (Э.Смит, Дж. Армстронг, Э. Хобсбаум), подходы о роли политических сил (Б.Андерсон, А.Аппадурай, Э.Геллнер и т.д.) и технологических изменений (М.Кастельс) в формировании нового культурного пространства. Этнические идентичности выступают в тесном взаимодействии с национально- гражданской и региональными, и дополняют их (Л.М. Дробижева).

Уровень и маркеры этнической идентичности В начале 1990-х гг. половина городских татар и 72% сельских Татарстана говорили о том, что они никогда не забывают о своей национальности. Во втором десятилетии 2000-х гг. доля людей с актуализированными этноаффилиативными чувствами оказалось в городах – 75%, селах - 88%. Среди культурных составляющих по данным опросов, татарами, **прежде всего, выбирается язык**, а также традиционная культура, родная земля, историческое прошлое. Результаты исследований в других регионах (Республика Башкортостан, Республика Крым, Западная Сибирь, Республика Узбекистан) показывают, что этническая идентичность сегодня важна для большинства людей, идентифицирующих себя с татарами, не зависимо от места их жительства. Наблюдается высокая потребность в ее основаниях. **Язык, наряду с религией, культурой, ментальностью и происхождением – одинаково значимые маркеры идентичности для татар из разных регионов России.** И даже те, кто не владеют татарским языком в совершенстве, нередко указывают его в качестве родного. И все же границы этнической и языковой идентичностей, особенно у молодежи, подвижны. Молодой человек, называющий себя татарин, может обозначать в качестве родного языка русский либо русский и татарский языки одновременно.

Язык в национально-гражданской и региональной идентичностях Исследования начала 2000-х гг. в Татарстане фиксировали конкурентный режим сосуществования татарского и русского языков с точки зрения их функционального содержания. В

восприятии русского языка преобладала инструментальная функция, татарского – символическая, статусная. В последнее десятилетие усиливается статусное значение русского языка в идентификации с Россией. Татарский язык сохраняет свое символическое значение для идентификации татар с республикой.

Символизация и виртуализация татарского языка – новые явления у татар. Кейс «татарский ислам»: функциональная перезагрузка татарского языка. Кейс «2014 г.»: дебаты в социальных сетях о преподавании татарского языка в Республике Татарстан. Кейс «Интернет-общества»: новые способы поддержки татарского языка.

Виртуальный мир стал новым пространством языковых процессов в России. Социальные сети и мессенджеры WhatsApp, Viber, Facebook, Telegram, Messenger, Skype реализуют собственную языковую политику. А создатели порталов, сайтов, их администраторы, модераторы, участники групп в социальных сетях становятся активными и даже более влиятельными участниками языковой картины страны, чем традиционные институты (семья, образование, власть). Это преимущественно молодые люди, которые конструируют новые представления о родном языке, его значении для этнического самосознания, способах поддержания, отстаивания прав на их развитие и в целом поддержания этнической идентичности. Поскольку их возраст от 16 до 35 лет именно эта группа задает определенные тенденции для будущей языковой ситуации в стране и этнической идентичности ее народов.

Компоненты идентификации с россиянами у русских и татар, 2011/2012 гг. (%)*

Варианты ответов	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
Общее государство	87,7	88,4	90,7	87,7
Ответственность за судьбу страны	32,9	39,8	36,9	35,7
Родственные, дружеские связи	44,6	46,1	34,2	43,3
Историческое прошлое	38,8	45,5	47,8	44,0
Родная земля, территория, природа	53,8	59,3	59,5	55,7
Язык	38,2	48,2	27,9	39,0
Культура	35,3	41,1	29,6	32,0
Общие символы (флаг, герб)	40,7	42,3	49,2	40,3
Обычаи, праздники	36,1	38,2	25,2	34,3
Черты характера	2,7	4,9	9,0	8,0
Ничего не объединяет	0,8	-	-	-

* Респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

Мария Александровна Горячева

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

**Тенденции функционирования республиканских государственных языков
Республики Крым в школьном обучении в контексте общероссийских тенденций
функционирования языков в сфере образования**

Новый субъект Федерации – Крым, привлекает пристальное внимание не только политиков, но и ученых. Исследователи самых разных специальностей и направлений изучают различные аспекты жизни полуострова, как в синхронии, так и в диахронии, делают прогнозы на будущее. Проводятся и социолингвистические исследования, важность которых обоснована, прежде всего, необходимостью скорейшей выработки адаптационных механизмов в изменившейся языковой ситуации в регионе и гармонизации межнациональных отношений. Социолингвистов регион привлекает также уникальностью своей истории: перейдя в 1954 году в состав УССР, обретя в 1991 году автономию и утратив ее в 1995 году, оказавшись в составе Украинского государства, он вернулся в Россию в 2014 году. Одни и те же языки в разные эпохи меняли свой юридический, социальный и престижный статус, подвергались различному законодательному воздействию, резкой смене экстралингвистических факторов. Это открывает возможности для изучения целого ряда теоретических проблем, в частности, влияющих на языковую ситуацию факторов, их иерархию и взаимосвязь.

В этом докладе рассматривается использование языков республики в школьном обучении, в функциях средства обучения и предмета изучения. Привлечение тенденций динамики функционирования языков в сфере образования в целом по РФ, прежде всего, республиканских государственных, позволили вписать крымскую ситуацию в общероссийский контекст.

В основу статистической и фактической информации при подготовке доклада легли следующие данные: 1) Главный Информационно-вычислительный центр Федерального агентства по образованию (ГИФЦ МОРФ), позднее ООО Медиа школа при Госкомстате РФ; 2) три статьи А.М. Габриелян, содержащие результаты комплексного изучения функционирования языков в 6 школах г. Симферополя, выполненного в рамках проекта РФФИ «Языковая политика в Крыму. Ретроспектива и перспектива» [1; 2]; 3) комментарии крымчан к статьям новостных и прочих сайтов по

вопросам преподавания языков в школе. Также использовались результаты нашего исследования динамики функционирования республиканских государственных языков в школьном обучении [3].

Факторы, влияющие на объем и перспективы функционирования языка в образовательном пространстве, в частности, в школьном обучении, можно разделить на следующие основные группы: демографический; политический, законодательный; общий уровень демографической и коммуникативной мощности языка; социально-психологический (отношение к языку); экономический. Имеет место также переплетение взаимосвязей факторов. В докладе сжато рассмотрены эти основные факторы применительно к данному региону, на основе чего сделан ряд выводов специфике и причинах сложившейся ситуации и о возможных перспективах функционирования языков в школах Крыма.

Литература

1. Габриелян А.М. Реализация языковой политики в сфере среднего образования Крыма // Электронный научный журнал «Архонт», Вып. 5 (8), 2018.
<https://cyberleninka.ru/article/v/realizatsiya-yazykovoy-politiki-v-sfere-srednego-obrazovaniya-kryma>, дата обращения: 09.10.2019.
2. Габриелян А.М. Родной язык в сфере среднего образования Крыма как отражение языковой картины полуострова // Таврический научный обозреватель, № 4(7) 2018 и № 1(8) 2019 соответственно, <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-v-sfere-srednego-i-vysshego-obrazovaniya-kryma>, дата обращения: 09.10.2019.
3. Горячева М.А. Динамика использования языков народов России в сфере образования за последнее десятилетие в контексте социолингвистической проблематики // Вопросы филологии, № 1 (61), М., 2018, С. 20–26.

Виктор Александрович Чигрин

Крымский филиал ФНИСЦ РАН

(Симферополь, Россия)

Языковая ситуация в полиэтническом социуме Республики Крым

Сегодня, рассматривая языковую ситуацию в Республике Крым, нельзя не учитывать, как минимум, двух важных особенностей этого территориально-этнического феномена.

Первая особенность состоит в том, что Крым длительное время (реально с 1954 года) находился под юрисдикцией Украины. Даже находясь в составе Советского Союза, Крым испытывал определенное давление с ее стороны. Так, первые лица Крыма были либо этническими украинцами, либо уроженцами Украины. В гуманитарных вузах с 1966 года вводились украинский язык и литература, а в педагогическом институте имени М.В. Фрунзе (ныне – КФУ им. Вернадского) в составе историко-филологического факультета было открыто отделение украинской филологии. В степные районы Крыма заселяли переселенцев с Украины. Особенно этот процесс активизировался в годы строительства Северо-Крымского канала. В результате на севере полуострова в быту (особенно в сельских районах) широко распространился своеобразный «суржик» русского и украинского языков.

Однако украинизации Крыма, о которой мечтали некоторые руководители республики (П. Шелест, В. Щербицкий), не случилось. Этому способствовала вторая особенность полуострова – исторически сложившийся полиэтничный социум, характерной чертой которого стала *невыраженность титульной этнической составляющей*.

Крым, как известно, характеризовался целым рядом отличий, которые выделяли его из общей картины по Украине. Речь идет, в частности, о его геополитически важном расположении, свободном выходе к морю, обеспечивающем прямую связь практически со всеми странами мира, одновременном статусе мировой курортной зоны и одной из мощных военных баз России, сложном этническом составе и т.п.

По большому счету, эти «векторы своеобразия» можно свести к следующему:

Во-первых, Крым вошел в состав Украины, по историческим меркам, сравнительно недавно, и почти четверть населения Республики помнит его особый статус при СССР.

Во-вторых, Крым относился к числу миграционно-активных регионов не только в масштабах Украины, но и в мировых масштабах. Процессы депортации ряда этносов Крыма и их возвращения на родную землю, тщательно скрывавшиеся процессы заселения Степного Крыма выходцами из других регионов Украины, стремление потенциальных пенсионеров, особенно военных из числа россиян, дослужить в Крыму и остаться здесь навсегда – все это не могло не повлиять на динамику этнического состава населения Крыма.

В-третьих, социально-демографическая структура населения полуострова, в которой едва ли не полмиллиона человек составляют пенсионеры с особой исторической памятью, предполагает смещение спектра межэтнических отношений «влево», к временам «единой семьи народов» и четко выраженной ориентацией на Россию и русский язык, как носитель ее культуры.

Следует также указать на группу отличий, носящих *исторический характер*.

В своем научном отчете 2005 года мы отмечали: «Нам придется, рано или поздно, столкнуться с интересами менталитетов, имеющих самые разные исторические корни – менталитета жителей западных регионов страны, сравнительно поздно попавших под пресс советской системы (кроме того, многие забывают, что советизация Западной Украины проходила в последние годы жизни и после смерти Сталина); менталитета жителей Востока и Юго-востока страны, испытавшего это воздействие с 1918 года и в значительной мере идентифицирующего себя с россиянами и Россией; наконец, менталитета крымских татар, имеющего свои особенности» [1].

Близкие по смыслу суждения высказывал А. Форманчук: «население АРК имеет чрезвычайно сложную структуру и состоит из групп, заметно различающихся по своим предпочтениям и приоритетам. Потомки послевоенных переселенцев, многочисленные военные пенсионеры, осевшие в Крыму, представители высланных народов, вернувшиеся на полуостров, во многом не похожи друг на друга. Эти различия стали препятствием для формирования собственного политического пространства автономии» [2].

Таким образом, нельзя не отметить, что кризисные явления и процессы регионального плана не могли не проявиться в политике, которая, как известно, представляет «концентрированное выражение» всех указанных выше аспектов проблемы.

Сегодня ни для кого не представляет секрета борьба региональных элит Украины за власть в центре. При этом, как показали уже результаты выборов 2004 года, она переросла из «подковерной», на уровне кабинетов чиновников и штаб-квартир партий, в борьбу на улицах и площадях за региональный политический рынок, за электорат регионов, который становится вотчиной отдельных политических партий и блоков и т.д.

Все это, в конечном счете, побуждало самые различные политические силы обращаться к социологам, в надежде сформировать стратегию предвыборной борьбы в Крыму на тот или иной период.

В эту стратегию с 2004–2005 гг. стал довольно активно входить этнонациональный аспект, к которому «пристегивалось» и языковое преимущество. Крымским татарам внушалось, что основным языком должен стать крымско-татарский, украинцам (в годы правления Ющенко) втолковывалось, что Крым должен жить и общаться на украинском языке (сегодня это видно на дорожных указателях, названиях улиц и т.п.).

Представляется, что приведенные аргументы весьма наглядно свидетельствуют о том, что в Юго-Восточном регионе, в первую очередь, в Крыму, выпячиваемая Киевом национально-демократическая идеология в качестве объединяющей, не собирала достаточного количества сторонников, а потому и партии, которые пытались сделать на этом массовый и устойчивый электорат, были обречены на поражение.

В 2008 году, оценивая перспективы Крыма, значительная часть респондентов наших исследований видели их в воссоединении с Россией, замечая опасные тенденции в политических программах таких партий Украины, как «Наша Украина» или «Батькивщина», выпячивавших «языковой элемент».

Попытка этих политических сил активно разыграть «украинскую» и «крымско-татарскую» карты на фоне ухудшения отношений с Россией встречала недовольствие значительной части населения Крыма.

Так, в 2008 году, когда регионалы, в пике «оранжевым», ориентировались на сближение с Россией, ответы респондентов выглядели следующим образом [3]:

Что из указанных ниже виртуальных ситуаций беспокоит Вас более всего?

(N=3134, %)

Таблица 1

Суждения респондентов исследования	Процент ответов
Стремительный рост цен	68,5
Ухудшение отношений с Россией	54,8
Возможное вступление Украины в НАТО	38,1
Рост безработицы	27,0
Украинизация информационного пространства	23,0
Потеря доходов и накоплений	22,5
Обесценивание гривны	15,6
Установление режима президентского правления	12,4

Мы видим, что даже накатывавшиеся на полуостров безработица, потеря доходов и накоплений, обесценивание гривны не «перевесили» боязнь ухудшения отношений с Россией, которое тогда продвигалось Ющенко и Тимошенко.

Трения между народностями, которые проживают на одной территории, могут возникать на разной почве, будь то религия или язык, политические предпочтения или система образования. В плане исторической преемственности образа жизни и передачи социокультурного опыта из поколения в поколение население Крыма имеет особую геополитическую особенность. В своем тысячелетнем формировании история Крыма видела немало народов и племен, которые приходили или уходили, оставив после себя неоценимое культурное наследие. Некоторые народы, ступив на крымскую землю, остались там навсегда, обогатив своим колоритом пеструю этническую гамму. Список этих народов более чем обширен, приведем лишь несколько в качестве примера – тавры, киммерийцы, скифы, древние греки (эллины), римляне, сарматы – они оставили свой след в истории Крыма. Русские, татары, армяне, греки, караимы, немцы, украинцы и другие народности проживают в Крыму бок обок по сей день.

Полиэтнический социум – общество, состоящее из представителей нескольких этносов – народностей, национальных групп. Неотъемлемой характеристикой такого социума является одна и та же территория проживания.

На формирование полиэтнической структуры региона зачастую влияют геополитические процессы, обусловленные (как мы видим из истории на примере Крыма) интересом к данному региону не только того государства, частью которого является регион, но и пограничных государств и даже интересом представителей

дальнего зарубежья. Крым вынес на себе огромную долю исторических событий, участниками которых были и немногочисленные народы, и мировые державы, решавшие свои проблемы на просторах полуострова. Необходимо все же отдать дань этим событиям, без которых мы не смоли насладиться переливами культурной жизни в Крыму.

Как древнейшая культурная территория, не раз подвергавшаяся завоеваниям, попадавшая в зависимость от разных империй и держав, Крым неоднократно менял состав народов населявших его, принимал иную, подчас противоположную предыдущей религиозную и политическую ориентацию. Несколько десятков народов прошли в разное время через Крым. Они принадлежали к разным культурам, их мировоззрение и образ жизни были порой диаметрально противоположными. Случались и острые противоречия, переходившие в войны. Но, в конце концов, все мирно уживались на крымской земле.

Давайте теперь немного отойдем от лирики и обратим внимание на то, каким сегодня является этнический состав населения Крыма. Для этого немного окунемся в цифры. По данным последней переписи населения в Республике Крым округе проживали 2 млн. 284,4 тыс. чел.

На основе анализа этнического состава населения Крыма, а также изучения оперативных сведений Республиканского комитета по делам национальностей и депортированных граждан, а также обработки имеющихся исторических и географических публикаций по аспектам расселения этносов Крыма можно сделать некоторые обобщения об особенностях расселения этносов на территории РК.

Сейчас в Крыму проживают представители более 120 различных по численности этнических групп (в том числе и автохтонных), которые размещены по территории полуострова неравномерно, что объясняется историческими, политическими, экономико-географическими и др. особенностями каждого этноса.

Анализ карты этнического состава населения Крыма позволяет выделить места компактного проживания наиболее многочисленных этносов Крыма (восточнославянские этносы и крымские татары), а также некоторых относительно небольших по численности этнических групп (крымские армяне, болгары, греки, евреи, немцы).

Русские, являясь самым многочисленным этносом, проживают во всех районах и городах Крыма. Несмотря на это, существуют определённые различия в размещении

представителей данного этноса на территории полуострова. Так, наибольшее их количество проживает, в основном, в городах (здесь их доля доходит до 70–72%) – Керчь, Феодосия, Симферополь, Евпатория, Ялта, Алушта и др. Высокий их процент наблюдается и в сельской местности центральных, южных и восточных районов РК.

Украинцы также проживают по всей его территории, но наибольшее их число размещено в основном в сельской местности северной и западной частей полуострова (Красноперекоский, Джанкойский, Первомайский, Черноморский районы).

Крымские татары, составляя примерно 12% населения, являются третьим по численности этносом Крыма. Именно поэтому представители крымско-татарской национальности проживают на территории всей республики, как в городах, так и в сёлах. Важной особенностью их расселения является большое количество массивов их компактного проживания. Компактность проживания крымских татар объясняется организованным характером их возвращения из мест депортации; получением земельных участков, компактно расположенных в определенных районах и городах; расселением в местах, исторически являющихся зоной проживания крымских татар и др.

Представители остальных малочисленных этносов, проживающих в Крыму, размещены по его территории дискретно, небольшими группами, часть которых ассимилировалась с представителями других более крупных этносов. Поэтому четко назвать районы, где компактно проживают караимы, крымчаки, крымские поляки, молдаване, мордва, грузины, чуваша, эстонцы и др. народности, затруднительно. Однако, несмотря на свою небольшую численность, многие из этих этносов создали свои национально-культурные общества (всего на сегодня 25-ю этносами создано 29 подобных обществ) и ведут активную работу по сохранению и развитию своих национальных культур.

Теперь следует обратить особое внимание на проблемы, которые генерирует разнообразный этнический состав населения Крыма. Следует отметить, что этнические проблемы в Крыму – явление не новое. Еще издревле некоторые народы мирно уживались на полуострове, а у некоторых уже в самой ментальности отсутствовало понимание того, что такое добрососедство. Такие народы всегда стремились либо захватить больше земель, либо как-то унижить и оскорбить другие народы, внушить им чувство неполноценности.

На современном этапе развития истории Крыма также можно проследить весомые проблемы, которые приводят к существенным разногласиям между этносами, порождая

подчас крупные конфликты.

Мотивы к конфликтам присущи каждому из трех основных этносов Крыма – русским, украинцам и крымским татарам.

Русский этнос, представляющий собой наиболее многочисленную общность населения, как мы показали выше, крайне болезненно относился к факту дистанцирования от России, к факту того, что в силу политических процессов – перестройки, развала Советского Союза, они оказались в другом государстве, и как следствие – усложнение родственных контактов.

Еще одним фактором, усугубляющим комфортное проживание русских, был языковой. Русскоговорящая часть населения Крыма сталкивалась с проблемами образования на украинском языке, многие документы просто не предполагали в своем написании русского языка и должны были предъявляться только на государственном языке, на государственную службу принимали только со знанием украинского языка. Вопрос о присвоении русскому языку статуса второго государственного несколько раз поднимался в преддверии президентских и парламентских выборов, но так и не был решен. Сама проблема языка в Крыму стала не только этнической, но и политической.

Если сопоставить данные переписей населения 1989, 2001 и 2014 гг., то мы увидим, что часть респондентов периодически меняла свою национальность, в зависимости от политической конъюнктуры, или просто отказывалась участвовать в переписи.

По словам руководителя Росстата, был выявлен целый ряд причин, по которым жители Крыма отказывались от участия в переписи [4]:

- у них имеются родственники на Украине;
- они не приняли российское гражданство (на момент переписи, *В. Ч.*);
- они не признают итоги референдума по присоединению Крыма к России;
- они неофициально снимают жильё и не хотят «подводить» хозяев, так как участие в переписи может, по их мнению, привлечь внимание налоговых органов;
- в данном жилом помещении проживают незарегистрированные люди.

От участия в переписи отказалось лишь 0,6% населения или 14754 человека. Всего через ЖЭКи были учтены 2,5% общего числа переписанных, в том числе 0,6% отказавшихся участвовать в переписи и 1,9% отсутствовавших по месту жительства в течение всего периода проведения переписи. Категория населения «отсутствовавших по месту жительства» складывалась из тех, кто с 14 по 25 октября 2014 года находился в

другом месте, либо это был своеобразный вариант «тихого протеста», когда жители, отказывающиеся от участия в переписи, не открывали дверь, когда приходили переписчики. Наиболее проблемным регионом Крыма в этом отношении явилась Ялта, где, по мнению руководителя Росстата, значительное количество «богатых» жителей отказывались пускать к себе переписчиков [4].

Тем не менее, «языковой» аспект переписи 2014 года часто противоречил «этническому», что, по нашему мнению, также вызывало вопросы у организаторов исследования. Тем не менее, отметим, что по данным переписи [5] населения в Крымском федеральном округе 2,22 млн. чел. (97,1% жителей) указали свой родной язык. *Подавляющее большинство населения, вне зависимости от национальной принадлежности, назвало своим родным языком русский язык – 1,84 млн. чел. или 84,1% лиц, указавших свою национальную принадлежность (курсив наш, В.Ч.).*

Русский язык в КФО назвали своим родным языком 99,8% русских, 79,7% украинцев, 91,1% белорусов, 97,7% евреев, 95% крымчаков, 94% караимов, 92% немцев, 86% поляков, 83% греков, 81% болгар, 73% молдаван. Среди армян русский язык родным назвали 47%, среди азербайджанцев 37%, цыган 32%, среди крымских татар и татар 8,7%.

Украинский язык в качестве родного языка в КФО указали 72,3 тыс. чел., в основном это украинцы. Однако среди всех украинцев КФО украинский язык считают родным 20,3%. Кроме того, считают родным украинский язык 10% крымских поляков, 0,13% русских и др.

Крымско-татарский язык считают родным 172,3 тыс. чел., в основном крымские татары, а также небольшое количество азербайджанцев и др.

Среди крымских татар родным языком назвали крымско-татарский 74%. Такой же показатель характерен для 33,4 тыс. татар с родным татарским языком – 74,5%. Кроме этого 47,2 тыс. крымских татар, т.е. больше чем татар, указали в переписи в качестве родного татарский язык. Объясняется это тем, что крымские татары нередко называют крымско-татарский язык татарским. Поэтому уместно представить сводный показатель для крымско-татарского и татарского языков. Эти языки в качестве родных назвали 252 тыс. крымских татар и татар, или 91% их совокупной численности.

Среди других языков, названных населением родными, цыганский язык указали 66% цыган, армянский язык указали 53% армян, болгарский язык – 18% болгар,

греческий язык – 15% греков, немецкий язык – 6% немцев, караимский язык – 6% караимов, крымчакский язык – 3% крымчаков.

Мы привели эти цифры в надежде на то, что участниками Круглого стола будут учтены эти особенности. Просто нельзя забывать, что среди респондентов самых разных исследований, осуществляющихся в Крыму научными структурами и центрами опросов общественного мнения, значительную часть составляют украинцы, крымские татары, армяне, евреи, поляки, греки и представители других этносов, которые на персонифицированном уровне реализуют в своей деятельности этнические и языковые реалии, которые сложились в Крыму на сегодняшний день.

Литература

1. Региональные исследования электорального поля АР Крым: научный отчет центра НИИ «Социо», август 2005 г. ч. 2 / В.А. Чигрин, Е.Г. Городецкая. – Мелитополь, [б.и], 2005. – 64 с.

2. Форманчук А. Уникальность Крыма была сильно преувеличена. – «Газета 2000». – № 24, 15 — 21 июня 2012 г.

3. Региональные исследования электорального поля АР Крым: научный отчет центра НИИ «Социо», октябрь 2008 г. ч. 1 / В. А. Чигрин, Е.Г. Городецкая. – Мелитополь, [б.и], 2008. – 49 с.

4. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://rg.ru/2014/12/16/perepis.html>

5. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://ru-wiki.org/wiki/Перепись_населения_в_Крымском_федеральном_округе_\(2014\)](http://ru-wiki.org/wiki/Перепись_населения_в_Крымском_федеральном_округе_(2014)).

Александр Викторович Ефимов

*Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева,
(Москва, Россия)*

Актуальные задачи изучения и сохранения нематериального наследия крымских татар

Одним из важнейших направлений государственной культурной политики в Республике Крым является изучение и сохранение нематериального наследия старожильческих этнических групп полуострова: крымских татар, греков (румеев и урумов), крымских армян (компактно проживающих в Ростовской области), караимов, крымчаков, крымских цыган.

Несмотря на то, что Российская Федерация не присоединилась к «Конвенции об охране нематериального культурного наследия» ЮНЕСКО (17.10.2003 г.), политику по изучению и сохранению нематериального культурного наследия определяют:

Федеральные законы «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 октября 1992 г. № 3612-1; «О народных художественных промыслах» от 6 января 1999 г. № 7-ФЗ; «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ; Основы государственной культурной политики (утверждены Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808);

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666).

Согласно «Основам государственной культурной политики», под нематериальным культурным наследием понимается: языки, традиции, обычаи, говоры, фольклор, традиционные уклады жизни и представления об устройстве мира народов, народностей, этнических групп.

Этот перечень близок к определению Конвенции ЮНЕСКО (17.10.2003), в которой зафиксированы следующие области проявления нематериального наследия:

- (а) устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия;
- (b) исполнительские искусства;
- (c) обычаи, обряды, празднества;

(d) знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной;

(e) знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами.

Наиболее ранние русские документальные свидетельства, фиксирующие особенности национальных культур полуострова, относятся к XVI веку.

После присоединения Крыма к России, сбор сведений о культурном наследии становится одним из важных направлений в деятельности гражданской администрации Таврической губернии и Императорской Академии Наук.

На рубеже XVIII–XIX вв. были собраны материалы по традиционному землепользованию и водопользованию, религиозным верованиям и обрядам. В архивы губернских учреждений поступили на хранение исторические документы, содержащие сведения о генеалогии и антропонимике; а также картографические материалы генерального межевания, содержащие сведения о топонимике полуострова. В этот период происходит и изучение знаний о традиционных садовых культурах, фиксируется ботаническая терминология.

К первой половине XIX в. относятся первые опыты изучения фольклора крымских татар. Многочисленные российские и зарубежные путешественники фиксируют особенности национальных ремесел, традиционной кухни, религиозных праздников.

Период с середины XIX–до начала XX вв. – наиболее важный для истории изучения нематериального наследия народов Крыма. Из печати выходят академические труды Вильгельма Радлова, исследования Густава Радде, Василия Кондараки, Александра Самойловича, Владимира Гордлевского и др.

Первая Мировая и Гражданские войны не остановили работы по сбору и публикации фольклорных текстов. Была успешной работа австрийских музыковедов среди крымских татар в лагерях российских военнопленных.

В Крыму важные материалы были записаны в экспедициях по селам Ялтинского и Феодосийского уездов Глебом Бонч-Осмоловским.

Созданный Усеином Боданинским в 1917 г. в г. Бахчисарае Национальный музей крымских татар приступил к обширной собирательской деятельности.

Установление советской власти на полуострове и последовавшее после этого создание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики (1921 г.) первоначально способствовало усилению научной работы по изучению материального и нематериального наследия крымских татар.

Академические учреждения активно изучают древности Старого Крыма и Эски-Юрта.

Благодаря организации Бахчисарайским музеем тюрко-татарской культуры фольклорно-этнографических экспедиций был зафиксирован комплекс материалов по традиционным ремеслам, устройству и обрядности ремесленных цехов. Первый крымско-татарский этномузыколог Рефат Асанов по материалам своей экспедиционной деятельности опубликовал сборник музыкального фольклора.

К сожалению, в начале 1930-х гг. происходит изменение отношения к изучению нематериального наследия в Крыму. Партийные установки требуют от собирателей классового подхода в научной и издательской деятельности. В сборники крымско-татарского фольклора включаются, как правило, тексты антирелигиозного, антикулацкого и антидворянского содержания. В качестве лучших образцов народного творчества выдаются авторские тексты, восхваляющие социалистический строй и лидеров ВКП(б).

Трагическим для России и Крыма стали 1937–1938 гг. По надуманным обвинениям были репрессированы многие исследователи нематериального наследия крымских татар. При арестах были изъяты личные архивы собирателей. Насильственное выселение в 1944 г. крымских татар из Крыма на два десятилетия остановило любые работы по изучению национального наследия.

На рубеже 1950–1960-х гг. происходит изменение государственной культурной политики в отношении крымских татар в местах бывшего спецпоселения. В Узбекистане формируется редакция крымско-татарской газеты «Ленин байрагы», а также крымско-татарская редакция республиканского радиовещания, создается кафедра крымско-татарской филологии при Ташкентском педагогическом институте, выходят первые книги на крымско-татарском языке, успешно гастролирует фольклорный коллектив «Хайтарма».

Массовое возвращение крымских татар в Крым в 1980–1990-е гг. привело к активизации изучения нематериального наследия.

Однако отсутствие научно-методической поддержки сказывается на общем уровне как собирательской работы, так и издательских проектов.

Людмила Семеновна Бакиш

Союз композиторов Москвы,

Театр «Современник»

(Москва, Россия)

Музыкальный фольклор крымчаков

Крымчаки—один из малых коренных народов Крыма наряду с караимами и крымскими татарами. Общая их численность по разным данным—от 1000 до 2000 человек по всему миру. В Крыму – несколько сотен.

В результате экспедиций по Крыму удалось записать последних носителей традиции—Серафиму Ломброзо и Михаила Хафуза. К настоящему моменту живых носителей песенной традиции не осталось. Собранный материал –результат не только личных усилий, но и неких почти мистических обстоятельств. В 2001 году в Симферополе председатель общества «Кърымчахлар» Виктор Ломброзо передал мне запись песен из семейного архива в исполнении его покойного отца – Михаила Ломброзо. Через несколько дней после моего отъезда из Симферополя я узнала о смерти Виктора Михайловича. Он был единственным наследником архива. Уникальные записи остались у меня.

Другая часть коллекции крымчакских песен, собиравшаяся в (50–70-е годы) крымчакским просветителем Евсеем Пейсахом, оказалась никем не востребованной. Сын его –Эдуард – передал мне груду старых пересохших магнитофонных пленок. Так в моем распоряжении оказалась, вероятно, наиболее полная коллекция аутентичных записей. Она оцифрована и частично издана. Но часть записей требует реставрации.

В работе с этим материалом возникли особые трудности: исследований фольклора практически нет. Сохранились разнообразные легенды, истории, передающиеся из уст в уста, а также рукописные записи (джонки или простые почеркушки в линованных тетрадах) в семьях крымчаков. Для меня они стали важными документальными источниками. Из опубликованных работ – статьи, документы, записи первых просветителей, собирателей и исследователей истории крымчаков — Евсея Исааковича Пейсаха и Исаака Самуиловича Кая. Очень помогли консультации и материалы ныне уже покойного Давида Ильича Реби, выпустившего первый учебник крымчакского языка и посвятившего поздние годы жизни расшифровке джонок. А также Б.М. Ачкинази, И.В. Ачкинази. Однако и опубликованные материалы обнаруживали разность взглядов на генеалогию крымчаков и на историческую судьбу народа.

В связи с этим представлю ряд тезисов моего выступления.

1. происхождение и культурные традиции крымчаков. Неоднозначные ответы на вопрос об их происхождении и этнической принадлежности.

2. Язык крымчаков (чагатай) кыпчакская группа тюркских языков и его формирование в алтайском регионе одновременно с чувашским, балкарским и другими тюркскими языками.

3. Последствия геноцида в годы Второй мировой войны

4. Музыкальный фольклор крымчаков. Общее и индивидуальное в палитре фольклора народов Крыма.

Ни одна нотная запись не даёт полного представления о своеобразии национального фольклора. Мелодии песен и инструментальные наигрыши крымчаков, караимов и крымских татар иногда совпадают. Но принципиально отличаются друг от друга манерой исполнения и языком. Поэтому моё выступление будет сопровождаться аудио и видео записью.

В последние годы стали выходить книги о крымчаках [2] Издан первый учебник и словарь крымчакского и крымчакско-русского языках [3, 4, 5]. Я издала первый в мире компакт-диск с записью музыкального фольклора в аутентичном исполнении [1]. Вышли документальные свидетельства — книги об истории расстрельного народа Б.Н. Казаченко [2] и рассказы А.П. Ткаченко [6, 7]. И это произошло в тот момент, когда история крымчаков как народа подошла к своему завершению.

Литература

1. Бакши Л. Крымчакские песни. Фольклор крымчаков. Solyd Records. 2004. CD.
2. Казаченко Б.Н. Крымчаки. Книга памяти расстрелянного народа. Москва – Симферополь, 2015.
3. Реби Д.И. Языки мира. Тюркские языки. М., Индрик.1997 г.
4. Реби Д.И. Крымчакский язык. Крымчакско-русский словарь. Симферополь, 2004.
5. Реби Д., Ачкинази Б., Ачкинази И. Крымчакский язык // Языки мира. Тюркские языки — Бишкек, 1997.
6. Ткаченко Александр. Крымчаки. Подлинная история людей и полуострова. Москва. АСТ. 2015.
7. Ткаченко Александр. Разорванный край/ Сон крымчака или Оторванная земля. М., 2007. С.125–127.

Марина Петровна Кляус

Институт этнологии и антропологии

им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

(Москва, Россия)

Болгары Крыма: языковая ситуация в историко-культурном контексте⁵

Болгары массово переселились на территорию Российской империи (Бессарабская, Херсонская, Таврическая губернии) в качестве колонистов в начале XIX века. Процесс формирования крымской группы болгар начался с 1803 г. Вначале на полуострове были основаны две болгарские (Кишлав, Старый Крым) и одна греко-болгарская колония (Балта-Чокрак). К концу XIX века в Крыму было уже 16 болгарских колоний. По данным Первой Всероссийской переписи 1897 г. болгарское населения полуострова составляло 7528 человек [1, с. 77].

Представители болгарской этногруппы не раз оказывались в пересечении имперского, национального и социального дискурсов, но всегда глубоко осознавали свое единство, общность языка, культуры, вероисповедания, ответственность и причастность к сохранению и передаче грядущим поколениям именно своего исторического и культурного наследия, в котором язык занимает одно из главных мест.

Страшной трагедией для болгар Крыма оказалась массовая депортация населения по обвинению «в пособничестве фашистскому режиму», которая пришлась на годы Второй мировой войны. В июне 1944 из Крыма были выселены 12422 человека болгарской национальности и направлены для расселения в РСФСР, Узбекистан, Казахстан, Дальний Восток, крайний Север и Карело-Финскую АССР [2, с. 93].

Некоторые болгары уже после смерти Сталина, когда стали появляться проекты по освобождению спецпоселенцев, стали нелегально перебираться в Крым или поближе к родине – в Ставропольский и Краснодарский края, схожие с Крымом по климатическим и географическим условиям. Значительное их число поселилось в западных районах Краснодарского края, но на сегодняшний день на его территории болгары не имеют этнически компактных поселений и лишь в некоторых случаях

⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00152 мол_а «Болгары Российской империи в XIX – начале XX века: историко-демографическое исследование».

образуют небольшие общины. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. незначительное количество крымских болгар вернулось в свои родные места.

Сегодня в Российской Федерации проживает более 28 тыс. болгар. По данным переписи населения 2014 года в Крымском Федеральном округе 1868 человек определили себя как болгары [3, с. 121]. Большинство потомков болгар, выросших или родившихся в депортации, не знают болгарского языка. Это обусловлено тем, что в сложнейших условиях жизни родители, испытывая страх за детей, понимали, что из-за клейма социально опасных, они могли быть ограничены в доступности образования и подвергаться унижениям со стороны сверстников. Родители старались не учить детей болгарскому языку и при возможности меняли болгарские фамилии детей на русские, белорусские и др. (в случае межэтнических браков).

На сегодняшний день болгарским языком (литературный и диалектные формы) владеют переехавшие в Крым из Украины (Одесской и Запорожской областей), Молдовы, Приднестровья, а также выходцы из Болгарии (большая часть из них – бывшие сотрудники фирмы «Болгарспецстрой», реализовывавшие в Крыму строительные объекты в рамках договоров между СССР и Народной Республикой Болгария еще в период 1970–1980-х годов).

Исходя из своих полевых исследований, мы можем констатировать, что долгожданным для болгар оказался Указ президента Владимира Путина от 21 апреля 2014 года «О реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития». Документ, который народы Крыма ждали 70 лет (из них 23 года в составе независимой Украины), появился спустя месяц после возвращения Крыма в состав России.

Перемена государственной юрисдикции, резкое и исторически мгновенное изменение условий существования в другом государстве требует исполнение новых функций от представляющих интересы этических групп организаций. В этногруппе болгар Крыма возникает интенциональность правосознания, которая материализовались в стремлении жить согласно правовым нормам РФ и выстраивать свои интересы исходя из национальной политики страны. Последнее реализуется, в частности, благодаря деятельности существующего уже более 20 лет Крымского республиканского общества имени Паисия Хилендарского (руководитель И. Абажер, член Общественной палаты России), имеющей статус Региональной национально-культурной автономии.

Кроме болгарской, Региональной НКА созданы две местные автономии на городском уровне в Симферополе и Ялте. В структуру Региональной болгарской НКА имени Паисия Хилендарского входят более 10 болгарских общин Крыма.

Главными целями болгарской НКА и других организаций являются возрождение культуры, традиций, изучение языка и помощь в обустройстве возвращающимся в Крым депортированным, установление связей с исторической родиной, содействие межрегиональному сотрудничеству между Крымом и Болгарией, укрепление добрососедских отношений с представителями всех крымских народов.

В настоящее время болгары Крыма проводят различные культурные мероприятия, отмечают народные праздники. Издается газета «Извор», первый в истории крымских болгар печатный орган (основана в 1997 году, главный редактор – Людмила Радева), ведется исследовательская деятельность по изучению фольклора и возрождению традиций, выходят книги о болгарях. Однако следует отметить ряд сложностей, с которыми сталкиваются болгары Крыма, как внешние – к примеру, со стороны западных стран существует информационная блокада их жизни, Болгария перестала оказывать методическую и финансовую помощь воскресным школам и культурному центру «Извор», так и внутренние – к сожалению, на Первом крымском телевизионном канале в 2018 году была закрыта передача «Болгарские встречи», вместо которой появился проект «ЭтноКрым», рассказывающий обо всех народах Крыма. С 2014 года, лишившиеся финансовой и методической поддержки Болгарии, закрылись воскресные школы по изучению болгарского языка, литературы и истории, действовавшие начиная с 1995 г. в ряде городов полуострова (Симферополь, Керчь, Севастополь, Белогорск и др.). На сегодняшний день только в Старокрымской общеобразовательной школе №3 учащиеся имеют возможность изучать болгарский язык и литературу.

Литература

1. Носкова И. Крымские болгары: историко-этнографический очерк. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2016.
2. Бугай Н. Депортация народов Крыма. Документы, факты, комментарии. М., 2002.
3. Итоги переписи населения в Крымском Федеральном округе. М., 2015.

*Татьяна Борисовна Агранат,
Лейли Рахимовна Додыхудоева
Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)*

**Полевое социолингвистическое обследование Крыма:
задачи и перспективы**

Уникальность Крыма состоит в том, что на небольшой территории – 27000 кв. км. – проживает большое количество этносов (всего на территории полуострова переписью 2014 г. выявлено 175 наименований национальной принадлежности). Языковая ситуация многокомпонентна и очень сложна, некоторые из языков находятся на грани исчезновения, что делает проблему особенно актуальной, так как существует необходимость выявить их жизнеспособность и определить меры по их ревитализации.

Массовое социолингвистическое обследование с подробным анкетированием информантов позволит определить функционирование языков на территории Крыма, сферы употребления языков и их распределение по этносам и этническим группам, по возрастным когортам внутри этносов, а также, возможно, по социальным стратам. Для некоторых языков важно выявить их жизнеспособность и перспективы развития. (Ср. изучение языковой ситуации в Сибири в 1967–1969 гг. под руководством В.А. Аврорина).

Языковая ситуация по экстралингвистическим причинам менялась неоднократно в недавнее время, этот факт найдет свое отражение в языковой биографии информантов. Таким образом, синхронное наблюдение прольет свет и на диахронические процессы.

До сих пор в Крыму не проводилось массового социолингвистического обследования с целью изучения языковой ситуации. Изучалась языковая ситуация в ретроспективе по письменным источникам [Бахревский 2000]. В 1997 г. вышла небольшая по объему статья А.М. Эмировой [(Эмирова 1997)]. Естественно, в одной небольшой статье в принципе невозможно описать в целом многокомпонентную языковую ситуацию, каковая имеет место в Крыму; к тому же специальное массовое социолингвистическое обследование не проводилось. Кроме того, статья отражает синхронный срез 1990-х гг., и с тех пор языковая ситуация изменилась по экстралингвистическим причинам.

В 2016 г. в г. Симферополе вышла "Энциклопедия народов Крыма", коллективный труд крымских этнографов. Данная публикация (которая, в том числе,

содержит информативный историко-этнографический очерк) отражает главным образом современный этнический состав Крымского полуострова, что предоставляет нам возможность активно пользоваться ею в нашей работе. Тем не менее, у этнографов и лингвистов разные задачи.

Литература

1. Бахревский Е. В. "Языковая ситуация в Крыму в середине XVII века", дисс. на соискание к.ф.н., М. 2000.
2. Эмирова А.М. Языковая ситуация в Крыму и насущные проблемы возрождения крымско-татарского языка // Культура народов Причерноморья. — Симферополь, 1997. — № 1.
3. Энциклопедия народов Крыма, Симферополь, 2016.

Елена Алексеевна Кондрашкина

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

**Республики с тремя государственными языками (Крым, Марий Эл, Мордовия):
сходство и различие**

В Российской Федерации 22 республики, в которых государственными языками объявлены русский и национальные титульные языки. В большинстве республик два государственных языка, но есть исключения: в республиках Крым, Марий Эл, Мордовии, Кабардино-Балкарии – 3 государственных языка, в Карачаево-Черкесской республике – 5, в Республике Дагестан – 14 государственных языков. В статье будут проанализированы языковые ситуации с тремя государственными языками в трех республиках – в Крыму и в двух финно-угорских республиках – Марий Эл и Мордовии.

Правовой основой, закрепляющей статус национальных языков в качестве государственных, является закон о языках. В Марий Эл закон «О языках в Республике Марий Эл» был принят 26 октября 1995 года, в Мордовии – 6 мая 1998 года, в Республике Крым – закон «О государственных языках Республики Крым и иных языках в Республике Крым» – 24 мая 2017 г.

В законе Республики Марий Эл в главе I, статье 1 говорится: «Государственными языками Республики Марий Эл являются марийский (горный и луговой) и русский языки» [2, с. 165]. В законе Республики Мордовия в разделе I, статье 3 читаем: «Государственными языками в Республике Мордовия являются русский и мордовский (мокшанский и эрзянский) языки» [3]. В законе Республики Крым в главе 1, статье 3 – «Государственными языками Республики Крым являются русский, украинский и крымско-татарский языки» [4]. Этими пунктами о трех государственных языках в законах о языках данных республик ограничивается их сходство. Рассмотрим различия. Они прежде всего видны в генетической принадлежности языков. Марийский и мордовский языки входят в волжскую группу уральских языков. Русский и украинский языки – в славянскую группу индо-европейских языков. Крымско-татарский язык относится к кыпчакской группе западно-хуннской ветви тюркских языков алтайской языковой семьи.

Две литературные нормы марийского языка – горная и луговая, как показали исследования марийских лингвистов, близки по всем грамматическим показателям и установлению единого марийского языка, по мнению известного марийского лингвиста

И.Г. Иванова, мешает лишь психологический настрой населения, поскольку горные марийцы, которых меньше, чем луговых, боятся, что с появлением единого языка горный марийский исчезнет, а значит и исчезнут горные марийцы как этнос, а некоторые ученые из луговых марийцев резко выступали против придания горному языку статуса государственного. Что же касается мордовских языков – мокшанского и эрзянского, то это – два самостоятельных языка, о которых старейший мордовский ученый проф. Цыганкин Д.В. сказал так: «Отличия между ними столь велики, что вряд ли мы имеем право сказать о наличии одного мордовского языка, будь он литературно оформленным» [5]. Несхожесть двух языков наблюдается на уровне фонетики, морфологии, лексики и орфоэпии. Существуют различия в одежде, бытовой утвари. Другой мордовский ученый В.К. Абрамов добавляет, что в эрзянском языке насчитывается пять диалектов, а в мокшанском – три или четыре. «Эрзяне и мокшане из разных мест региона могут друг друга и не понять» [1, с. 41]. Таким образом, государственные финно-угорские языки – марийский и мордовский, а правильнее было бы сказать – марийские и мордовские, разнятся тем, что горный и луговой марийские языки близки по всем грамматическим показателям и взаимно понятны, почему их часто еще называют «наречиями» марийского, а мордовские языки разнятся сильно и их называют отдельными языками. Наконец, самое значимое отличие – это то, что русский и украинский языки являются государственными языками государств – Российской Федерации и Украины, а марийский, мордовский и крымско-татарский языки – государственными языками республик в составе РФ, а, следовательно, и языками с меньшим объемом функций.

Литература

1. Абрамов В.К. Об эрзя-мокшанских различиях // Финно-угорский мир, № 1/2, 2012, Саранск, С. 40–45.
2. Закон Республики Марий Эл от 26 октября 1995 г. № 290-111 «О языках в Республике Марий Эл» (с изменениями от 19 сентября 2001 г.) // Приложение № 1, Е.А. Кондрашкина «Динамика функционального развития марийского языка». М., 2008, С. 164–174.
3. Закон Республики Мордовия «О государственных языках в Республике Мордовия» // «Мокшень правда», 7 мая 1998 г.
4. Закон Республики Крым «О государственных языках Республики Крым и иных языках в Республике Крым» // [электронный ресурс]. Режим доступа: crimea.gov.ru/textdoc/ru/7/act/1562prz.pdf.

5. Электронный ресурс. Режим доступа: sigankin.ru/archives/58

ЯЗЫКОВАЯ БИОГРАФИЯ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ РОССИИ

Владимир Михайлович Алпатов

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

Б.В. Чобан-заде – крымско-татарский ученый

Говоря о науке Крыма, нельзя обойти стороной Бекира Вагаповича Чобан-заде, первого высокообразованного ученого-тюрколога из крымских татар. Я не буду касаться его активной общественной и политической деятельности, от которой он отошел после 1924 г., где были и участие в Венгерской революции 1919 г., и подполье при Врангеле, и «националистический уклон» в 1920-е гг. Но его научная деятельность не может быть забыта. Сын пастуха, он смог попасть в лицей в Стамбуле, а затем в Будапештский университет, где он учился в 1914-1919 гг.; он знал несколько иностранных языков В 1920-1925 гг. Чобан-заде работал в Крыму, а затем до ареста в январе 1937 г. в Баку, где был профессором университета и сотрудником Азербайджанского филиала АН СССР. Как он говорил в показаниях на следствии в 1937 г., ему принадлежало около 150 научных работ; он был первым в СССР профессором по языкознанию из числа представителей тюркоязычных народов. Он занимался языками, фольклором, историей тюркских народов. В 1926 г. Чобан-заде был одним из руководителей 1-го тюркологического съезда в Баку, где отстаивал переход тюркских языков СССР на латинский алфавит. Он активно вел полевую работу по диалектологии тюркских языков и неоднократно бывал в экспедициях. Известна также и его литературная деятельность на крымско-татарском языке. Деятельность Б.В. Чобан-заде была прервана в период массовых репрессий: 13 октября 1937 г. он был расстрелян в Баку. Следственное его дело, дающее существенную информацию о его жизни и деятельности, было рассмотрено в книге «Репрессированная тюркология», подготовленной мной вместе с ныне покойными Ф.Д. Ашниным и Д.Н. Насиловым.

Айса Николаевна Биткеева

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

Калмыцкий язык: прошлое и настоящее

Развитие языка тесно связано с историей и культурой народа. В сообщении речь пойдет о формировании и развитии калмыцкого языка в контексте истории калмыков.

Ойрат-калмыцкая народность сложилась в результате объединения четырех племенных союзов западной ветви монголов, которые после падения Монгольской династии в Китае во второй половине XIV века заключили союз «Дербен ойрат», т.е. «союз четырех близких», откуда идет историческое самоназвание калмыков - ойраты. На северо-западе Китая была расположена историческая родина ойрат-калмыков Джунгария (ныне провинция Синьцзян). В конце XVI века в силу ряда экономических и политических причин часть ойратов покинула Джунгарию и двинулась на запад в приволжские степи. В 1609 году был заключен договор о добровольном вхождении калмыцкого народа в состав Российского государства. Это было начало образования новой исторической общности – калмыков. В науке существует мнение, что слово «калмык» в переводе с тюркского означает «отпавший, отделившийся».

В XVII веке ханство достигло наивысшего развития, в этих условиях создаётся национальная письменность ойрат-калмыков. В 1648 году ойратским общественно-политическим деятелем Намкай-Джамца Зая-Пандита была разработана старокалмыцкая письменность «Тодо бичиг» (Ясное письмо). В 1771 г. под предводительством Убаши-хана большая часть волжских калмыков вернулась в кочевья своих предков Джунгарию. Современные же волжские калмыки России – потомки тех, кто остался на территории России.

Литературный калмыцкий язык проходил в своем развитии разные исторические периоды. Каждый период отличается неравномерным объемом общественных функций калмыцкого языка, его роли в различных сферах жизни народа. В дореволюционный период калмыцкий язык функционировал во всех сферах жизнедеятельности калмыков. В советский период калмыцкий литературный язык продолжал использоваться в тех сферах, в которых функционировал до революции, а также в новых сферах общественной жизни.

До 1924 г. старокалмыцкое письмо «Тодо бичиг» выполняло функцию официального языка в сфере делопроизводства. В послеоктябрьский период наряду с

калмыцким языком в этой сфере стал использоваться русский язык, как средство межнационального общения. Немногие калмыки владели им полноценно. Такая же ситуация наблюдалась и у других народностей. После 1917 года государственная политика провозгласила равноправие народов. Так на X съезде РКП(б) была принята резолюция, ставившая задачей перевод на родной язык для всех народов страны работу судов, администраций, органов хозяйства, театра и т. д. Но эта задача расходилась с реальной ситуацией, так как народы находились на разных этапах развития. Не все народы имели к тому времени сложившийся литературный язык, способный обслуживать упомянутые сферы общественной жизни. В Калмыкии такой эксперимент имел место. В 1927 году была сделана попытка использовать калмыцкий язык в качестве официально-делового в Хошеутовском улусе, но в этой роли язык не смог функционировать в отдельно взятом районе из-за ряда причин: нехватки переводчиков, которые бы разбирались в ведомственной работе, большого объема оперативной работы в разных ведомствах и т. п. [1, с. 77]. Калмыцкий язык расширяет свои функции в области народного образования, сфере науки, печати, издательства, радио и т. д. Вместе с тем, в советский период функция языка религиозной литературы, правовых уложений, летописей отходит на второй план. В начале XX в. русский язык стал играть важную роль в жизни калмыков, как средство межнационального общения. Немногие калмыки владели им полноценно. Такая же ситуация наблюдалась и у других народностей.

Как и другие национальные языки России, калмыцкий язык прошел все этапы языкового реформирования постреволюционного периода. Литературный калмыцкий язык с самого начала стал развиваться на базе живых народных говоров. В 1920-е гг. нормализация литературного языка была ориентирована на один из двух основных говоров калмыцкого языка – торгутский, но затем диалектная база была расширена: стали использовать и второй – дербетский говор.

История языкового строительства в Калмыкии (1920-1930 гг.) свидетельствует о том, что совершенствованию алфавита и орфографии, обогащению терминологии, нормированию литературного языка придавалось огромное значение. На протяжении всей истории калмыцкого языка проходили неоднократные реформы алфавита. До 1924 г. калмыки использовали «Тодо бичиг» – старокалмыцкое письмо. В калмыцком языке постепенно возникла необходимость в сближении старокалмыцкой письменности с живой речью. Письменный язык изобиловал к тому времени архаизмами, монголизмами, устаревшими грамматическими формами. В первой четверти XX в. В.Л.Котвич произвел

реформу старокалмыцкой письменности, не производя при этом коренных изменений в системе письма, но в результате приблизил правописание к живой речи. Он внес единообразие в орфографию, устранив разнобой. Но в силу исторических процессов старокалмыцкая письменность после реформы просуществовала недолго, поскольку с 1924 г. произошел переход на кириллицу [2, с. 46-50]. Вскоре стали высказываться мнения о латинизации алфавитов. Новый латинский алфавит узаконен IX Калмыцким областным Съездом Советов в январе 1930 года, как государственный алфавит Калмыкии. До 1938 года учебники родного языка, республиканская периодическая печать издавались на латинском алфавите. В 1938 г. он снова был заменен азбукой на кириллической основе, причем новый вариант отличался от двух предыдущих. Наконец, в 1941 г. были приняты новые изменения, в результате которых окончательно оформился четвертый из алфавитов на кириллической основе или шестой по счету, если учитывать все алфавиты. Этим вариантом калмыки пользуются и по сей день.

В 1935 году Калмыцкая автономная область была преобразована в Калмыцкую Советскую Социалистическую республику. Но успешное социально-экономическое и национально-государственное развитие Калмыкии было прервано в конце 1943 г., когда все калмыцкое население было депортировано в восточные регионы СССР – в Сибирь, на Север, Сахалин и Казахстан. Насильственная депортация привела к потерям численности калмыцкого населения, к потерям в материальной и духовной культуре, в том числе и отказу от собственного языка и полному переходу к использованию русского языка как в профессиональной деятельности, так и в семейной сфере.

В 1956 году калмыцкий народ был реабилитирован, восстановлена Калмыцкая автономия, но, ещё долго пришлось восстанавливать все сферы социальной, культурной жизни народа, некоторые же сферы, как например, языковая, не удалось восстановить и развить вплоть до настоящего времени.

В дискуссиях о проблемах калмыцкого языка не раз поднимался вопрос, какой именно период стал для него переломным. Ослаблению позиций калмыцкого языка способствовали такие факторы как: отсутствие традиций массовой грамотности на родном языке до 1920-х гг. прошлого столетия; проживание в иноэтническом окружении; массовые миграции некалмыцкого населения на территорию Калмыкии; депортация калмыцкого народа и дисперсный характер его расселения в восточных русскоязычных районах страны.

Уже в довоенный период определенная часть калмыцких семей перешла к двуязычному общению с детьми, а в некоторых семьях такое общение шло исключительно по-русски. Правда, эта тенденция по своему размаху не была столь сильна, как в 1960-е и в 1970-е годы, но она все же существовала и развивалась.

Вопрос лишь в темпах развития этого процесса в различные исторические периоды. В городе в гораздо большей степени, чем в селе, калмыцкий язык перестает быть языком, на котором ребенок впервые знакомится с окружающим его миром. И дело не только и даже не столько в том, что в городе представители молодого поколения реже называют единственным языком раннего детства калмыцкий, сколько в том, что ситуация, когда первыми языками детства одновременно оказываются оба языка (калмыцкий и русский) была более типичной для села, тогда как в городе все чаще встречаются случаи, когда русский оказывался единственным языком раннего детства.

В процессе социально-исторических перемен в России калмыцкий язык постепенно стал терять свой социальный статус. В 1991 году появился закон Республики Калмыкия “О языках народов Республики Калмыкия”, который в 1999 году был обновлен. В нем государственными языками Республики Калмыкия были провозглашены калмыцкий и русский языки. Калмыцкий язык формально наделен статусом одного из государственных языков Республики Калмыкия, фактически, язык не функционирует во многих сферах, установленных законом о языках.

Этнолингвистическая и демографическая характеристика республики показывает, что уровень демографической мощности калмыцкого языка пока невысокий. Показателем демографической мощности калмыцкого языка является процент калмыков, владеющих родным языком в соотношении с общим количеством населения республики. Этот показатель составляет 43,5 %. Демографическая мощность калмыцкого языка внутри языковой общности калмыков составляет 96 %. Однако следует учесть, что данные переписи населения дают цифры считающих калмыцкий язык родным, а не говорящих на этом языке, поэтому показатель демографической мощности преимущественно свидетельствует о желании знать родной язык, ценностной ориентации калмыков, а не о фактическом владении языком. Существует значительная разница между низким уровнем знания калмыцкого языка и высоким уровнем языкового самосознания этноса.

Одним из определяющих факторов, влияющих на характер языковой ситуации, является способ расселения населения. В Калмыкии исторически сложился этнически дифференцированный принцип расселения народов: город в основном русскоязычный, село – калмыцкое. Это важный фактор, поскольку считается, что смена родного языка быстрее протекает среди городского населения, чем у однонационального компактно проживающего сельского населения, что объясняется многонациональным составом горожан, большим процентом межнациональных браков.

Интересны результаты социологического исследования этнополитических процессов и их влиянии на условия жизни и настроения жителей Калмыкии. Опрос показал, что сокращение общей численности населения происходит за счёт отъезда людей за пределы республики. Основными причинами миграции населения являются: поиск работы, неблагоприятные социальные условия жизни, личные семейные причины, возврат к прежнему месту жительства, необходимость дать образование детям. Так, пожелали уехать из республики 40 % жителей г. Элисты и 45 % жителей районов; респонденты, желающие жить в своей национальной среде составили 2,6 % из числа опрошенных, из-за характера межнациональных отношений — 1,8 % опрошенных [3, с. 2].

Опрос показал, что калмыки идентифицируют себя в первую очередь со своей национальностью, республикой, а затем с Россией. Среди информантов титульной национальности по менталитету, семейным традициям ощущают себя прежде всего калмыками 67,6 %, гражданами Калмыкии 39,7 %, россиянами — 31,3 %. Интересно, что в процессе опроса определились информанты, которые свою национальную принадлежность определяют по культурному фактору, а не по происхождению. Так, 10,6 % опрошенных калмыков относят себя к русским, среди русских 10,5 % относят себя к калмыкам. Социологи считают, что это представители межнациональных браков, число которых составляют около 10 % всех браков в республике [3, с. 2].

Сегодня в условиях активных внутренних миграционных процессов в стране сформировались внутренние калмыцкие диаспоры в Москве, Санкт-Петербурге, северных регионах РФ и др. По данным переписи населения 2010 г., калмыков в Российской Федерации насчитывалось 183 тыс. чел., в Республике Калмыкия проживало 162 тыс. чел. [4].

Решающее значение при миграции имеет материальный уровень жизни. Показательны в этом смысле миграционные процессы последних лет в мире, в том числе в РФ.

На сегодня миграция в России носит в основном трудовой и экономический характер: поиски более выгодной работы, высокой оплаты труда вынуждают многих выезжать за пределы постоянного места проживания сначала временно, в случае успешной адаптации эти переселенцы обосновываются на новом месте на постоянное место жительства. Такая ситуация характерна и для части волжских калмыков. Следует отметить, что в ситуации внутренней миграции, складывается иная, более мягкая адаптационная модель, нежели в условиях внешней миграции за рубеж. Отсутствует языковой дискомфорт, так как нет необходимости овладевать новым языком принимающей доминантной языковой общности, языковое поведение сохраняется и т. д.

Переезжая в другие города РФ на постоянное место жительства, калмыки не изменяют свое языковое поведение, так как функционально первым языком остается русский, родной калмыцкий несет символическую функцию, при этом, как правило, наблюдается высокий уровень этнического самосознания. Желание сохранять родной язык и культуру у представителей калмыцкой диаспоры вне республики сохраняется, в Москве и Санкт-

Петербурге при постоянных представительствах Калмыкии в указанных городах организованы курсы изучения калмыцкого языка, национального этикета, курсы калмыцких танцев, кухни, функционируют буддийские молельные дома, храмы и т. д. Калмыцкая молодежь демонстрирует высокий уровень национального самосознания, молодые люди самостоятельно изучают язык, историю калмыцкого народа, создают интернет-форумы, где общение ведется на калмыцком языке.

Таким образом, многое изменилось в социокультурном развитии калмыков, проблемы остались. Реальная языковая ситуация в Республике Калмыкия относительно калмыцкого языка остается критической, процесс ассимиляции калмыков не приостановлен, проблема возрождения калмыцкого языка остается. Проблема существует, население поддерживает меры по языковому возрождению народов Калмыкии.

С какими проблемами сталкиваются языки национальные языки России, в том числе калмыцкий язык, сегодня. Наиболее актуальной и болезненной является напряженная ситуация вокруг добровольности изучения родных языков в последние два года. В апреле 2018 г. в Госдуму внесли законопроект о добровольном изучении национальных языков в школах российских республик, согласно которому преподавание и изучение государственных языков российских республик должно происходить на

добровольной основе и не в ущерб преподаванию и изучению русского языка. По республикам волна недовольства прокатилась, состоялись митинги, протесты, отмечалось определенное социальное напряжение.

Не допустить и/или найти решение этому языковому конфликту, значит найти меру влияния на отдельные закономерности и причины развития проблемы. Прогноз определяется как опережающее отражение уровня социальной напряженности в будущем. Оперативное использование прогнозной информации способно в несколько раз сократить время на выработку решения.

Уровни развития напряжённости зависят от неудовлетворенности населения, несоответствием между их предпочтениями, потребностями и реальным положением дел. Выделяют следующие уровни напряжения - фоновый, повышенный, высокий, критический. С ростом уровня социальной напряженности переходит из одной стадии развития в другую, меняя формы проявления.

В данном контексте показательной является ситуация вокруг вопроса о добровольном изучении родных языков в школе. В целях оценки социального напряжения по этому вопросу был проведен опрос в Республике Калмыкия в мае 2018 г. и в апреле 2019 гг. Выборка была в двух случаях около 60 чел., представители интеллигенции, вузовские сотрудники, студентов, пенсионеры [5].

Неудовлетворенных введением добровольного изучения языков оказалось в 2018 г. около 60%, возможным участвовать в акциях протеста в республике сочли для себя 42% респондентов. На тот момент анализ опросов и СМИ показал, что у населения возрастает обеспокоенность сложившейся ситуации, распространяются тревога, недоверие руководству, проявлялись признаки противостоять нежелательным изменениям. В этот период зафиксировано в республике проведение пикетов, митингов с выдвижением целей и требований.

Удовлетворенность жителей Калмыкии решением о введении добровольного изучения языков в школе

Варианты ответа	Май 2018	Апрель 2019
Полностью не удовлетворен/скорее не удовлетворен, чем удовлетворен	89 %	82%
Скорее удовлетворен, чем не удовлетворен/полностью удовлетворен	11%	18%

Распределение мнение респондентов в Калмыкии о возможности и участиях в каких-либо проводимых в республике акциях протеста

Вариант ответа	Май 2018	Апрель 2019
Допускаю	54 %	31%
Исключаю	37%	47%
Затрудняюсь ответить	9%	22%

В 2018 г. наблюдалось проявление протестной активности, обострение социальной напряженности по вопросу добровольного изучения языка, особенно в социальной группе интеллигенции, студентов. Как показывают последние события в языковой жизни страны ситуация еще более усложняется.

Возникает закономерный вопрос, что необходимо предпринять, чтобы поддержать эти небольшие перемены. Нужно расширение сфер функционирования калмыцкого языка, поскольку даже отлично владеющий языком не может найти сферу применения родного языка. Требуется создание языковой среды, так как основное условие выживаемости языка, если он является средством жизни данного этноса, при этих условиях есть возможность выжить языку.

В многонациональном обществе выгодно использование одного крупного языка, это тенденция мирового языкового развития, двуязычие является нормой для многих стран мира. Калмыцкое население в этом плане опережает многие народы России, основная масса калмыков двуязычна. Наблюдается тенденция к желанию полноценного изучения иностранного языка из-за появившихся возможностей трудовой миграции зарубежные страны. Как правило, часто двуязычие бывает полезным для более сильных языков, и ослаблением функций слабого звена этого двуязычия. В этом случае необходимо сделать престижным качественное функциональное знание 2-3 языков на базе своего родного языка.

На наш взгляд этого можно добиться при соблюдении следующих принципов:

1) непрерывность в системе обучения: сад-школа-вуз, что особенно важно для городских детей, а также необходимо для поддержки языковых знаний сельских учащихся, поступающих в техникумы и вузы республики. Как полагают многие ученые и преподаватели, несмотря на положительные изменения, полностью национальная калмыцкая школа еще не функционирует. Необходимым условием признания национальной школы является родной язык. Обучение на родном языке ограничивается

только начальными классами и только национальными. В понятие «калмыцкая национальная школа» включены национальные лицеи, гимназии, в которых также в начальных классах ограничиваются изучением калмыцкого языка, литературы, истории края. Основная масса детей, которая до школы не говорила на калмыцком, не становится двуязычной после такого обучения. Образовательные структуры республики столкнулись с проблемой создания оптимальной и эффективной системы обучения языкам, которая бы обеспечивала непрерывное обучение на национальном языке. Эта система соответственно должна включать разнообразные методики обучения, рассчитанные на разные социальные слои населения, начиная от детского до взрослого контингента, желающего усвоить или усовершенствовать свои языковые знания. Сегодня вопрос разработки таких методических комплексов остается открытым в Калмыкии.

Без специального социального заказа, реальной мотивации в государственном масштабе высшей школе сложно справиться с задачей. Но, дело в том, что социальный заказ есть, создана соответствующая законодательная база, регулирующая функциональную дистрибуцию языков в сфере образования республики. Проводятся мероприятия по созданию реальной мотивации в государственном масштабе, но процесс идет медленно, вероятно, в силу того, что нет языковой среды, где за пределами образовательного процесса учащиеся могли бы закреплять знания языка.

2) Пространственная поддержка языка. Человек должен быть окружен информацией на родном языке: вывесками, наименованиями, объявлениями, газетами, телевидением, радио. Необходимо создание благоприятного социального пространства общения на родном языке на производстве, в транспорте, общественных местах, что вполне реализуемо.

Не в полной мере используются потенциальные возможности калмыцкого языка. Это еще связано с тем, что в последнее время происходит сокращение времени вещания на национальных языках на телевидении и радио в рамках всеобщего сокращения штата телерадиокомпаний Калмыкии. Не развит язык публичных выступлений, что говорит о том, что необходимо активизировать работу по созданию терминологии, при этом важная роль принадлежит сознательному воздействию конкретных индивидуумов, писателей на норму языка. К примеру, информанты общаются на калмыцком языке, общение на родном языке продолжается до тех пор, пока они не касаются сферы науки,

обучения. При обсуждении тем, где требуется специальная терминология переходят на русский, здесь решающим фактором смены кодов оказывается языковой дефицит.

По этой же причине язык мало востребован в сфере высшего образования, даже на факультете калмыцкого языка и культуры до сих пор отсутствуют разработанные учебники по соответствующим языковым дисциплинам для студентов-калмыковедам. Кстати, это проблема многих национальных языков России, исключением являются языки, обладающие высокой демографической и коммуникативной мощностью, например, татарский язык.

Литература

1. Сусеева Д.А. Языковая политика в Калмыкии: прошлое, настоящее, будущее // Народы Калмыкии: современные социокультурные и этнические процессы. Элиста. 1997.
2. Павлов Д.А. В.Л. Котвич и реформа старокалмыцкой письменности // Проблемы алтаистики и монголоведения: Материалы Всесоюзной конференции. Элиста, 1972. С. 46–50.
3. Катушов К., Мунянова Б., Лиджи-Горяева С. Межнациональные отношения в Калмыкии - фактор стабильности // Известия Калмыкии. 15.12.1999.
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Кн. 1–3. М., 2012.
5. ЛА БАН – Личный архив А.Н. Биткеевой, 2018, 2019.

Муса Рукманович Овхадов

Чеченский государственный университет

(Грозный, Россия)

Чеченский язык: история и современность

Современная языковая ситуация в Чеченской Республике во многом является следствием национально-языковой политики советского периода в кадровой сфере и в сфере науки и образования.

Основные этапы языковой политики советского периода в Чеченской Республике совпадают по своим основным параметрам с теми ее периодами, которые были характерны для языков народов автономий страны [1].

Для чеченского народа, как и для других депортированных народов, языковая политика государства имела свою трагическую «специфику»: катастрофическое сокращение социальной базы чеченского языка в результате массового мора населения и полное лишение его всех функций в письменной сфере в период депортации. Чеченский язык оставался преимущественно семейным языком, т.к. в результате дисперсного расселения в 119 районах 19 областей обширной территории Казахстана и Киргизии возможности даже массового устного общения практически отсутствовали. Площадь Чечено-Ингушетии была меньше даже одного такого района [2, с. 13–16].

В период восстановления Чечено-Ингушетии в 1957 году начался процесс восстановления функций чеченского языка в сферах письменного использования. Этот период совпал с принятием АН СССР в 1956 г. решения о свертывании функций языков 2-й группы, которое сопровождало чеченский язык вплоть до распада СССР [2].

Ограниченность функций чеченского языка в советский период в значительной мере затормозило его внутривидовое развитие – становление терминологической системы, стилистической дифференциации, развитие лексической системы и т.д.

Особым периодом не только языковой политики в Чеченской Республике является последнее десятилетие 20-го века – т.н. период суверенитета.

Одним из главных аргументов в пользу необходимости суверенитета было ущемление чеченского языка в советский период (наряду с депортацией и т.д.). Однако практических шагов для его полномасштабного функционирования предпринято не было. Последствия «суверенитета» во всех сферах были крайними – разрушена вся инфраструктура республики, система образовательных учреждений. В результате выезда за пределы республики значительной части научного и педагогического персонала разрежена кадровая база системы образования, в результате оттока населения, существенного нарушения компактности расселения, больших человеческих жертв сократилась социальная база чеченского языка. В результате 2-х военных кампаний практически остановилась деятельность системы образования.

Попытки латинизации чеченской письменности в этот период успеха не имели. О переводе системы образования на чеченский язык обучения речи не было и не могло быть, прежде всего из-за отсутствия подготовленной кадровой базы.

В целом события последнего десятилетия 20-го века крайне негативно отразились на функциональном и внутривидовом развитии чеченского языка.

События 90-х годов 20-го века в Чеченской Республике свидетельствуют о том, что языковые проблемы выступают своеобразным «знаменем» и детонирующей частью национальных проблем в обществе и государстве.

Языковая политика, реализуемая в Чеченской Республике в 21 веке, может быть охарактеризована в главных своих направлениях как прогрессивная и перспективная: полностью восстановлены и в некоторой мере получили развитие функциональные параметры чеченского языка. Соответственно это влияет на его внутрисконструктурное развитие. Значительные успехи достигнуты в исследовании чеченского языка.

Научно-педагогическая общественность республики ожидает дальнейшего улучшения ситуации с чеченским языком в связи с Перечнем Поручений Президента РФ В.В. Путина от 04.07. 2015 и Парламентских слушаний о языковой ситуации в стране в Госдуме РФ 29 октября 2018 г. [1, с. 67-70].

Все пункты тезисов будут изложены с максимальной опорой на фактические, статистические данные по всем периодам языковой политики в Чеченской Республике с учетом состояния структуры чеченского языка, развития чеченско-русского билингвизма и т.д.

Литература

1. Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917 2000. Социоллингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+, Институт востоковедения РАН. 2000.

2. Овхадов М.Р. Социоллингвистический анализ развития чеченско-русского двуязычия. Грозный, АН Чеченской Республики, 2007.

3. Овхадов М.Р., Яхьяева А.А., Шамилева Р.Д. Языковая ситуация в Чеченской Республике. Назрань, 2016.

Екатерина Александровна Либерт,

Институт филологии Сибирского отделения РАН,

(Новосибирск, Россия)

Лариса Эриковна Найдич

Еврейский университет

(Иерусалим, Израиль)

Меннониты Крыма: новые данные о языке Plautdietsch

(по материалам архива В.М. Жирмунского)

Среди народов, населявших Крым с конца XVIII в. и до Второй мировой войны, были немцы-колонисты и причисляемые к ним меннониты. Преимущественно сельские

жители, они говорили на разных диалектах и имели разную конфессиональную принадлежность. Меннониты – последователи одной из старых протестантских церквей, выходцы из Голландии и северной Германии, не раз меняли место своего жительства из-за гонений со стороны церковных и светских властей. Почти 200 лет они жили на территории Пруссии, а затем, в конце XVIII в. появились на юге Российской империи, основав первые колонии на Днепре. Постепенно, в связи с общим улучшением условий жизни колонистов в XIX в. и значительных привилегий, которые получали представители этой группы, появились многочисленные дочерние колонии по всему югу России, в том числе и в Крыму (Симферопольский, Евпаторийский, Феодосийский районы). Главными центрами меннонитской культуры Крыма стали колонии Шпат и Карасан. Образ жизни колонистов представлял собой своего рода образец малого «государства в государстве» – у меннонитов были свои небольшие предприятия, свои школы и молельные дома, они имели значительные свободы самоуправления. Однако с конца XIX в. политика по отношению к национальным меньшинствам, в том числе и к немцам, кардинально изменилась. В 1920–30-е гг. начались репрессии, борьба с религией, сталинский террор. Все это стало причиной массовой миграции меннонитов в Канаду, в страны Южной Америки, в Сибирь и Казахстан. В сентябре 1943 г. более 30000 меннонитов навсегда покинули Россию, и это знаменовало собой закат меннонитской культуры на юге нашей страны, и в частности, в Крыму. На сегодняшний день компактные поселения меннонитов на территории России есть в Сибири (Омская область, Алтай) и в Казахстане. Представители этой этно-конфессиональной группы по-прежнему сохраняют свою особую веру и жизненный уклад. Важной чертой этнической идентичности меннонитов выступает их язык (самоназвание *Plautdietsch*). Он имеет сложный смешанный характер, обнаруживая ряд особенностей, прежде всего, в звуковом строе [2, с. 4], и представлен двумя диалектами – хортицким и молочанским [5, с. 43; 7, с. 327; 4, с. 3; 6, с. 30].

Большая заслуга в изучении языка, фольклора и обычаев немецких колонистов принадлежит выдающемуся филологу-германисту В.М. Жирмунскому, а также его ученикам, которые в начале прошлого века вели активную работу по сбору и описанию диалектного и фольклорного материала. Эта деятельность была прервана в начале 30-х гг. в результате репрессий советских немцев и изучавших их германистов. Обработка архива В. М. Жирмунского, который хранится в С.-Петербургском отделении Архива Российской Академии Наук, была начата только в последнее десятилетие [1, с. 37].

Большую ценность в архиве представляют собой более тысячи диалектологических анкет, которые ученый рассылал в 20-е гг. в многочисленные немецкие колонии юга России с просьбой к представителям сельской интеллигенции перевести предложения и слова опросника с литературного немецкого на язык родного диалекта. Часть анкет была заполнена меннонитами, в том числе, из крымских колоний [3, с. 333]. Они отражают интересный период в развитии языка *Plautdietsch* (конец XIX – начало XX в.), когда хортицкий и молочанский диалекты уже окончательно сформировались, а в дочерних колониях происходил процесс диалектных смешений. В перспективе представляется интересным сравнение полученных фактов при анализе анкет с актуальным положением дел в языке современных носителей.

Литература

1. Найдич Л.Э., Светозарова Н.Д. Диалектологический архив В.М. Жирмунского в Санкт-Петербурге. Научное значение и перспективы обработки. // Сб. Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. - Калуга, КГУ им. К.Э. Циолковского, 2013. С. 37–41.
2. Kanakin I., Wall M. Das Plautdietsch in Westsibirien. Groningen, 1994.
3. Naiditsch L. Das Mennonitenplatt (Plautdietsch) nach den Fragebögen aus dem Archiv Schirmunski. Teil I. Probleme des Konsonantismus. Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. 2015. Bd. LXXXII, H. 3, S. 331–349.
4. Nieuweboer R. The Altai Dialect of Plautdietsch (West-Siberian Low German). Rijksuniversiteit Groningen, 1998.
5. Quiring J. Die Mundart von Chortiza in Süd-Russland. Diss. München. 1928 / J. Quiring. Münster, 1985.
6. Siemens H. Plautdietsch. Tweeverlag. Bonn. 2012.
7. Tolksdorf U. Die Mundarten Danzigs und seines Umlandes // Danzig in acht Jahrhunderten: Beiträge zur Geschichte eines hansischen und preußischen Mittelpunktes / Hrsg. von B. Jähning, P. Letkemann. Münster, 1985.

Айбазова Зухра Казимовна

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

**Краткая история изучения карачаево-балкарского языка
(на материалах зарубежных и отечественных ориенталистов)**

Наиболее ранние сведения о собственно карачаево-балкарском языке появляются в некоторых работах отечественных и зарубежных востоковедов, начиная с XVIII века. В их числе К. Главани (1724), русский академик И.А. Гюльденштетд (1787), Я. Рейнеггс (1796), русский академик П.С. Паллас (1799-1801), польский путешественник Я. Потоцкий (1829), известный востоковед, академик Г.Ю. Клапрот (1812). Наиболее полную картину о быте, традициях, религиозных представлениях карачаевцев и балкарцев описывает в своей работе Клапрот. Однако все выше перечисленные исследования и заметки содержат достаточно поверхностное упоминание о карачаево-балкарском языке, изредка отмечается его сходство с ногайским языком и принадлежность к тюркской языковой группе.

Первым научным описанием КБЯ по праву можно назвать работу венгерского ориенталиста, тюрколога Вильгельма Прёле. В своей статье под названием «Карачаевские штудии», которая вышла в свет в 1909 году, автор дает сведения о фонетике и морфологии карачаево-балкарского языка, а также приводит примеры устного народного творчества карачаевцев, записанные им во время экспедиции. В 1916 году Прёле публикует «Балкарские штудии», которые включили в себя краткий грамматический очерк, а также песни, пословицы, сказки, загадки на балкарских диалектах. Работы Прёле представляют собой особый интерес: во-первых, они содержат образцы фольклора карачаевцев и балкарцев столетней давности, во-вторых, это первое научное описание языка.

Из российских исследователей самое раннее исследование, посвященное КБЯ, принадлежит А. Караулову. Оно было опубликовано в Тифлисе в 1912 году, но годом позднее получило достаточно резкую критику со стороны А.Н. Самойловича.

Переломным моментом в истории изучения КБЯ является Октябрьская революция и все те новые тенденции, которые последовали вслед за ней в уже новом государстве. Именно ранний советский период знаменует начало более полного и системного подхода в исследовании языков ряда малых народов России.

Особый вклад в исследование языка и разработку его грамматических основ внесли такие ученые, как А.К. Боровков, В.И. Филоненко, Н.А. Баскаков, У.Д. Алиев и др.

В период между 1926 и 1937 годами краевым Горским научно-исследовательским институтом (г. Ростов-на-Дону) была проведена объемная работа по изучению истории, этнографии, языков народов Кавказа.

В 1930-е годы под руководством Н.Я. Марра Яфетическим институтом Академии наук СССР были проведены лингвистические экспедиции в Балкарии и Карачае.

Насильственная депортация карачаевцев и балкарцев в 1943-1944 гг. стала причиной стагнации в исследовании языка, культуры, истории народа в пределах Советского Союза на ближайшие два десятка лет. Поэтому материалы, которые датируются 40-50-ми годами XX века, принадлежат в основном зарубежным исследователям: С. Чагатай, Х. Эрону, О. Притцаку, А. Джафероглу и др.

В позднее советское и постсоветское время были более детально доработаны грамматики и словари карачаево-балкарского языка, возобновились диалектологические экспедиции и исследования, которые продолжаются по сей день

ПЕРСПЕКТИВЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ И ВЫЗОВЫ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РОССИЙСКОМ МАСШТАБЕ

Мария Яковлевна Каплунова

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

Моделирование языковой ситуации как инструмент языковой политики РФ

Любое моделирование предполагает построение определенных моделей, отражающих упрощенное представление действительности, с целью управления и прогнозирования определенной ситуации. В контексте исследования языковой жизни страны та или иная модель языковой ситуации способна определить оптимальные стратегии языкового строительства. При этом исходная модель определяет вероятность перехода в конечную, рассматриваемую политиками в области языкового строительства в качестве приоритетной для конкретного исторического периода.

В настоящее время на территории Российской Федерации выделяются следующие модели социально-коммуникативной системы: однокомпонентная, двух-, трех-, многокомпонентная и дифференциальная (экстерриториальная) модель [1]. При этом преобладающей моделью является именно двухкомпонентная, как включающая общегосударственный русский язык и государственный язык той или иной республики. В докладе анализируются вероятностные модели социально-коммуникативной системы РФ на ближайшие десятилетия в зависимости от приоритетов языковой политики с учетом вариативности экстралингвистических факторов, способных повлиять на языковую ситуацию в стране.

Литература

1. Михальченко В.Ю. Динамика языковой ситуации в Российской Федерации. Вопросы филологии, 1(57), 2017.

Валентина Алексеевна Кожемякина

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

О социолингвистической ситуации коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации

Сохранение и возрождение исчезающих языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока является особой проблемой и заботой государства, поскольку язык этноса играет важную роль в формировании этнической культуры любого народа, позволяя сохранить традиционные знания и историческую память своего народа.

Понятие «малочисленные коренные народы» – это «народы, насчитывающие менее 50 тыс. чел., проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохранившие традиционный образ жизни, хозяйствование, промыслы и осознающие себя самостоятельными этническими общностями» [2, с. 98]. В Российской Федерации законодательно гарантируется право этих народов на сохранение и развитие родных языков, на получение и распространение информации на родных языках, создание средств массовой информации и т.п. [3].

Общее количество представителей миноритарных языков народов Севера РФ составляет в настоящее время около 200 тыс. человек, т.е. около 2 % населения территорий, на которых они проживают [1]. Сорок коренных северных народов [4, с. 373–375] дисперсными и компактными группами проживают на огромных пространствах исторического расселения своих предков, территориях, составляющих не менее 50 % всех земельных владений Российской Федерации.

Самые крупные по численности народы Севера РФ – ненцы (44 640 чел.) и эвенки (37 843 чел.), самый малочисленный народ керекы (всего 4 чел.). Но степень витальности языка не всегда зависит только от его официального признания и демографической мощности, но и в большей степени от его функциональной мощности, которая определяется числом коммуникативных сфер, обслуживаемых этим языком.

Способность языка к дальнейшему развитию, т.е. витальность малых языков зависит от целого ряда социальных факторов: от численности носителей языка; от способа расселения носителей языка; от наличия письменности; от наличия традиций использования языка в разных сферах общения; от степени развития у носителей языка национально-языкового самосознания; от наличия социальной потребности в

использовании родного языка, от функционирования других языков в разных сферах общения.

Сохранность языков коренных северных народов прямо зависит от возможности этих народов заниматься своей традиционной хозяйственной деятельностью, так как самой естественной сферой употребления родного языка у этих народов остаются традиционные промыслы: оленеводство, охота и рыболовство. К сожалению, развитие нефтяной, газовой, горнорудной, лесозаготовительной промышленности в Сибири ведет к сокращению традиционной хозяйственной деятельности коренных народов, живущих этими промыслами.

Только два языка имеют шансы на выживание: ненецкий (44 640 ненцев) и чукотский (15 908 чукчей). Все остальные языки находятся на разной степени угрозы исчезновения или уже являются исчезающими языками.

Для сохранения малых языков необходима заинтересованность их носителей в сохранении и развитии своей уникальной культуры, включающей в себя этнический язык, так как язык – это не только средство коммуникации, он связывает людей с прошлым их народа, позволяет сохранить уникальное видение мира, свойственное данному народу, обеспечивающее их социальную, эмоциональную и духовную жизненность.

Перед всеми коренными народами мира стоит задача сохранения своих родных языков, которую можно выполнить только совместными усилиями. А перед учеными стоит задача фиксации и описания этих языков, в особенности исчезающих или находящихся на грани исчезновения.

Литература

1. Всероссийская перепись населения 2010. Электронный ресурс: URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
2. Словарь социолингвистических терминов. М., 2006.
3. Федеральный Закон о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации от 16 апреля 1999 г. Электронный ресурс: URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-30041999-n-82-fz-o/>
4. Языки народов России. Красная книга. М.: Academia, 2002.

Светлана Владимировна Кириленко

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

Языковые конфликты в полиэтническом государстве

В многоязычных ситуациях, социальных конфликтах и других проблемах языковой конфликт возникает, когда вступают в противоречие потребности, права или желания разных групп, говорящих на разных языках. Этот термин более конкретно применяется к разногласиям, которые конкретно связаны с языком, например, какой язык должен быть официальным языком в конкретной области; на каком языке дети должны получать образование; какой язык должен использоваться в государственных организациях и т.д.

Языковой конфликт понимается как «столкновение между сообществами людей, в основе которого лежат те или иные проблемы, связанные с языком» [2, с. 276]. Существуют внутри этнические языковые конфликты, то есть возникающие между представителями единого этноса, а также межэтнические языковые конфликты, то есть существующие среди людей, которые являются представителями различных этнических групп, внутри которых отдельно можно выделить миноритарные языковые конфликты. Деятельность по языковому планированию государства часто направлена на решение проблем, возникающих в результате языкового конфликта. При этом именно языковой вопрос затрудняет процессы стабилизации и требует значительного времени и сил [1].

Современная российская система законов о языках обеспечивает сохранение гармоничной языковой жизни на всей территории Российской Федерации. Закреплены права этносов на развитие их языков, что способствует сохранению языкового разнообразия в стране. Законы о языках Российской Федерации утверждают высокий статус языков титульных народов России, что выступает еще одним фактором нивелирования возможности возникновения конфликтных ситуаций. Языковое единство страны достигается широким функционированием языка единения – русского языка как общегосударственного языка Российской Федерации. Языковое разнообразие и языковое единство – это две составляющие языковой жизни в РФ. Такой подход позволяет учитывать специфику языковых ситуаций в разных регионах страны и выстраивать грамотные модели реализации языковой политики, во избежание возникновения языковых конфликтов.

В решении языковых конфликтов, вероятно, главная задача – это их предотвращение, поступательное принятие грамотных мер для предупреждения или разрешения возможных конфликтных ситуаций, как это было сделано и продолжает предприниматься, например, в Швейцарии. Решение языкового конфликта осуществлялось в процессе поиска политических компромиссов и путем проведения референдумов.

Одной из причин возникновения языковых конфликтов зачастую является неравенство в статусах языков и различия в функциональной мощности идиомов, то есть отличия в количестве сфер использования языка. Бельгия имеет свою историю языкового конфликта, и время от времени, вспыхивают разногласия среди населения страны относительно языковых прав между ее голландским, французским и немецкоязычным населением. К 1980-м годам французский и фламандский (нидерландский) языки фактически получили равные права, были выделены отдельно территории использования только французского и только нидерландского языков, что, к сожалению, напротив привело к новым проблемам и сложностям и даже правительственным кризисам.

Языковые конфликты редко являются чисто языковыми, они, как правило, обусловлены историческими и социально-экономическими, а также и политическими факторами. Языковое равноправие обычно отражено в конституции, но на практике реализация этой идеи проходит с затруднениями. В полиэтнических странах подобные конфликты отражают противоречие желаний групп говорящих в отношении функциональной нагрузки используемых ими языков. А также очень часто язык становится лишь средством выражения конфликта, а не ее причиной, а в других случаях он является движущей силой и символом противостояния.

Литература

1. Михальченко В.Ю. Языковой конфликт в полиэтническом государстве // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М., 2014. С. 209–214.
2. Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. 312 стр.

Наталья Григорьевна Колесник
Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

Адыги: некоторые этнолингвистические процессы

1. К языками адыгской подгруппы абхазо-адыгской (западнокавказской) группы, распространенных на территории РФ, относятся адыгейский, кабардинский, черкесский языки. Эти языки имеют статус государственных в трех субъектах Российской Федерации: Республика Адыгея (РА), Кабардино-Балкарская Республика (КБР), Карачаево-Черкесская Республика (КЧР).

Демографическая мощьность адыгских языков в целом значительна: в 2010 г. в РФ проживало 520 тыс. кабардинцев, 73 тыс. черкесов и 125 тыс. адыгейцев. Общая численность адыгских народов в России составляла более 700 тыс. чел., при этом языком своего этноса владели от 88 % до 96 %. Кроме того за пределами РФ существует многочисленная диаспора, в которую входят кабардинцы, черкесы и адыгейцы (а также абазины и абхазы), которых называют там черкесами; по разным данным численность диаспоры составляет от 600 тыс. до 1,5-2 млн. Зарубежные черкесы поддерживают тесные связи с российскими адыгскими народами (обучение студентов, подготовка учителей, культурное взаимодействие), принимают активное участие в обсуждении многих культурных и этнополитических проблем. «Международная черкесская ассоциация» является активно действующей и влиятельной общественной организацией.

2. Литературные кабардино-черкесский и адыгейский относятся к числу функционально среднеразвитых младописьменных языков, однако кабардино-черкесский язык, использующийся на территории КБР и КЧР, имеет более мощную демографическую базу, более высокий функциональный статус.

В основу литературного кабардино-черкесского языка легли баксанский диалект и говоры Большой Кабарды, так как они распространены в регионе, где проживает наибольшее число носителей языка – в КБР кабардинцы занимают первое место по численности населения (более 50 %) среди других народов республики. Литературный кабардино-черкесский язык функционирует на территории двух субъектов – в Кабардино-Балкарии и в Карачаево-Черкесии. Процессам дивергенции литературного языка в этих двух республиках (функционирующего в различном диалектном и языковом окружении) противостоит осознанное стремление сохранить единство языка,

как и единство культуры. При создании литературного адыгейского языка за основу был взят темиргойский диалект, распространенный на территории Адыгеи.

В структурном отношении между диалектами имеются расхождения, особенно это касается бесленеевского диалекта, хотя в XX в. шел процесс нивелировки территориальных образований под воздействием литературных языков. Наибольшие различия как между территориальными разновидностями, так и двумя близкородственными литературными языками наблюдаются на уровне фонетической системы, в меньшей степени – на уровне грамматического строя и лексики.

3. Основные этнонимы, используемые в русском языке, в том числе и переписях населения: *кабардинцы, черкесы, адыгейцы*. Традиционно кабардинцы и черкесы рассматриваются как близкородственные, но самостоятельные народы. Все официальные статистические данные в переписях приводятся отдельно для кабардинцев, черкесов, адыгейцев. При этом ранее, до начала XX в. для всех этих народов использовался этноним *черкесы*. Соответственно традиционными лингвонимами для языков адыгской подгруппы, которые используются на протяжении последних ста лет в русском языке, являются *кабардино-черкесский (кабардинский, черкесский)* – язык кабардинцев и черкесов, *адыгейский* – язык адыгейцев.

Самоназвание кабардинцев, черкесов и адыгейцев: *адыгэ* ('адыги'). Название идиомов, используемые носителями языка/языков: *адыгабзэ* ('язык адыгов', 'адыгский').

4. Этническая дивергенция этнических общностей, по-видимому, была не полностью завершена, и у адыгов – кабардинцев, черкесов и адыгейцев – объективно присутствуют (хотя и в разной степени) элементы общего этнического самосознания.

В соответствии с наиболее распространенной точкой зрения большинство адыгских народов идентифицируют свои общности как очень близкие, но, тем не менее, не тождественные. Однако некоторая часть адыгов (особенно адыгейцев) продолжает рассматривать себя в составе единого народа, среди которого вычленяются субэтнические общности – восточные адыги («кабардинцы и черкесы») и западные адыги («адыгейцы»). В этом случае заметное влияние оказывают представления, формирующиеся под влиянием установок на создание более сильного в демографическом и культурном плане этноса; не последнюю роль играет также и учет мнения черкесской (адыгской) диаспоры.

5. В связи с этим в последние годы возобновилась дискуссия об этническом статусе народов, лингвистическом статусе языка и наименованиях идиомов (в русском языке). В рамках представлений о едином этносе и едином языке адыгов предлагаются наименования: 1) *адыгский язык* (т.е. лингвоним, принятый у адыгских народов); 2) *черкесский язык* (аргументируется тем, что «так нас называют во всем мире»). Поскольку в реальности все же существуют два литературных языка (кабардино-черкесский и адыгейский), то это противоречие должно устраниться признанием того, что в общем языке всех адыгов существуют два «литературных варианта»: «западный» (т.е. адыгейский) и *восточный* (т.е. кабардино-черкесский).

Схожую ситуацию мы наблюдаем и с этнонимами: предлагается использовать этнонимы либо «адыги», либо «черкесы» (аргументация схожая), напр., *черкесская / адыгская* диаспора, «Международная *черкесская / адыгская* ассоциация».

6. Процессы, которые наблюдаются в среде адыгоязычных и некоторых других народов, по сути, являются отражением выбора наиболее целесообразной (с точки зрения данного народа) стратегии существования, сохранения языка (и этноса), которая может быть реализована различно, в частности:

1) подход, при котором предлагается объединять некие субэтнические общности в единую этническую – более многочисленную и более сильную в социокультурном отношении – общность и рассматривать идиом как единый язык, представляющий собой совокупность территориальных вариантов (с различной степенью взаимопонимания);

2) противоположный подход основан на раздроблении некоей этнической общности на более малочисленные образования, входящие в состав последней в качестве конгломерата отдельных родственных, но самостоятельных этнических сообществ. Параллельно с этим «язык» рассматривается как некое надъязыковое образование, состоящее из самостоятельных языков, каждый из которых нуждается в определенных мерах по его сохранению.

Целесообразность той или иной стратегии (и ее вариаций) может оцениваться в каждом конкретном случае по-разному.

Эржен Владимировна Хилханова

*Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)*

**Языки национальных меньшинств России на фоне новых мировых тенденций:
будет ли использован исторический шанс?**

Целью данных тезисов является сравнительный анализ языковых ситуаций и новых тенденций в современной языковой политике в отношении языков национальных меньшинств в России, Западной Европе, Австралии и США.

То, как развивались взаимоотношения языка и общества в России до нынешнего этапа российской истории, достаточно хорошо изучено и отражено в необъятном количестве публикаций. Интерес представляет как современный период, так и (в особенности) перспективы развития языков национальных меньшинств России в будущем. Дело в том, что нынешний этап мировой истории имеет ряд характеристик, принципиально отличающих его от предыдущих, в том числе и в языковой сфере. Глобализация, борьба за права человека и распространение демократических ценностей привели к тому, что, несмотря на то, что исчезновение языков в мире продолжается (сказываются десятки и сотни лет дискриминации языков и культур меньшинств), наблюдаются новые тенденции, общие для разных стран и континентов.

В Австралии, несмотря на то, что с начала ее колонизации под угрозой оказались около 250 языков аборигенов, в последние 30 лет неплохо обстоит дело с ревитализацией данных языков, хотя многие из них безнадежно утрачены. В настоящее время по всей стране успешно реализуются программы языковой ревитализации через языковые центры коренных народов и общинные группы [7, с. 399].

В США сейчас предпринимаются усилия по возрождению языков коренных народов, подвергавшихся ранее сильнейшей дискриминации. Сегодня эти языки находятся под правовой защитой, в стране активно внедряются программы погружения при обучении языкам коренных американцев для достижения свободного уровня владения ими с выделением дополнительного финансирования [2, с. 61].

В западноевропейских странах необходимость поддержки многоязычия и языкового разнообразия осознается как гарантия демократического представительства, так как узаконенное многоязычие обеспечивает право участия в политической жизни Европейского сообщества на своём родном языке [5, с. 4]. На фоне изменения общественных стандартов по отношению к национальным меньшинствам, политики регионализма и защиты прав человека многим из них – таким, как баски и саамы –

постепенно удалось достичь значительных успехов в плане ревитализации своих языков и культур. В последнее время в европейской социолингвистике появилось даже понятие «нового говорящего» ('new speaker'), под которым имеются в виду люди, освоившие миноритарный язык в образовательных учреждениях [8]. Появление «новых говорящих», осваивающих миноритарные, непрестижные, не приносящие дивидендов на современном «языковом рынке» [3] языки – явление новое и беспрецедентное.

В России в данный момент мы наблюдаем две противоположные тенденции: с одной стороны, государство, опасаясь этнического сепаратизма, проводит политику централизации и поддерживает (обще)государственный русский язык [см. также: 6], с другой - наблюдается рост лингвистического активизма в сфере защиты и продвижения языков меньшинств. Это было отмечено на международной конференции «Лингвистический форум-2019: коренные языки России и мира», где также впервые говорили не только о том, что утрачено, но и о том, что и как можно сохранить или вернуть к жизни [4]. По словам директора Института языкознания А.А. Кибрика, «по крайней мере, исторический шанс есть, и надо его использовать» [1].

Литература

1. А.А. Кибрик о сохранении языков коренных народов: «Исторический шанс есть, и надо его использовать». Режим доступа: https://iling-ran.ru/web/ru/news/190801_kibrik (дата обращения: 01.08.2019).
2. Боргоякова Т.Г. Языковое законодательство и витальность языков коренных народов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве: Международная конференция (Москва, 14-17 ноября 2018): Доклады и сообщения / Отв. ред. А.Н. Биткеева, М.А. Горячева. Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. М.: Языки Народов Мира, 2018, 752 с., С. 60–62.
3. Бурдьё П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка. Отечественные записки. № 2, 2005. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka.html> (дата обращения: 12.09.2019).
4. «Лингвистический оптимизм»: репортаж с конференции «Лингвистический форум 2019: Коренные языки России и мира». Режим доступа: https://iling-ran.ru/web/ru/news/190726_indigenous_nauka-i-religia (дата обращения: 28.07.2019).

5. Смокотин В.М. Европейское многоязычие: от государств-наций к многоязычной и поликультурной Европе. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. 178 с.
6. Advisory Committee on the Framework Convention for the Protection of National Minorities on the Russian Federation. Fourth Opinion on the Russian Federation - adopted on 20 February 2018. Режим доступа: <https://rm.coe.int/4th-advisory-committee-opinion-on-the-russian-federation-english-langu/1680908982> (дата обращения: 19.01.2019).
7. Bell, J. Language attitudes and language revival/survival. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 2013^[1]_[SEP] Vol. 34, № 4. P. 399–410, <http://dx.doi.org/10.1080/01434632.2013.794812>
8. *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices*. Ed. by Cassie Smith-Christmas, Noel P. Ó. Murchadha, Michael Hornsby, and Máiréad Moriarty. London: Palgrave MacMillan, 2018.

Содержание

Предисловие	5
РЕСПУБЛИКА КРЫМ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ И ВЫЗОВЫ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ	6
<i>Моника Вингендер (Германия, Гиссен)</i>	
Разнообразие и единство: языковые идеологии в Советском Союзе и Российской Федерации.....	6
<i>В.Ю. Михальченко (Москва, Россия)</i>	
Динамика языковой ситуации в Российской Федерации	8
<i>Мюллер Даниэль (Гиссен, Германия)</i>	
Тенденции развития обучения на родных языках и родным языкам в РФ за последние 5 лет.....	
<i>А.Н. Рудяков (Симферополь, Россия)</i>	
Государственный язык и родной язык: время определить понятия.....	
<i>М.В. Орешкина (Москва, Россия)</i>	
Языковое законодательство в Российской Федерации: проблемы и решения.....	
<i>А.С. Аблятипов (Симферополь, Россия)</i>	
Крым: образование на родных языках.....	
<i>Ю.В. Дорофеев (Симферополь, Россия)</i>	
О развитии языковой ситуации в Крыму.....	
<i>Л.С. Селендили (Симферополь, Россия)</i>	
Жизнь крымско-татарского языка в Республике Крым: реальность и виртуальность.....	
<i>Г.Ф. Габдрахманова (Казань, Россия)</i>	
Язык в системе культурных составляющих этнической идентичности татар в регионах России.....	
<i>М.А. Горячева (Москва, Россия)</i>	
Тенденции функционирования республиканских государственных языков Республики Крым в школьном обучении в контексте общероссийских тенденций функционирования языков в сфере образования.....	
<i>В.А. Чигрин (Симферополь, Россия)</i>	
Языковая ситуация в полиэтническом социуме Республики Крым (Симферополь).....	
<i>А.В. Ефимов (Москва, Россия)</i>	
<i>Актуальные задачи изучения и сохранения нематериального наследия крымских татар..</i>	

<i>Л.С. Бакиш</i> (Москва, Россия)	
Песенный фольклор крымчаков.....	
<i>М.П. Кляус</i> (Москва, Россия)	
Болгары Крыма: языковая ситуация в историко-культурном контексте.....	
<i>Т.Б. Агранат, Л.Р. Додыхудоева</i> (Москва, Россия)	
Полевое социолингвистическое обследование Крыма: задачи и перспективы.....	
<i>Е.А. Кондрашкина</i> (Москва, Россия)	
Республики с тремя государственными языками (Крым, Марий Эл и Мордовия): сходства и различия.....	
ЯЗЫКОВАЯ БИОГРАФИЯ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ РОССИИ.....	
<i>В.М. Алпатов</i> (Москва, Россия)	
Крымско-татарский ученый Бекир Ваапович Чобан-заде.....	
<i>А.Н. Биткеева</i> (Москва, Россия)	
Калмыцкий язык: прошлое и настоящее.....	
<i>М.Р. Овхадов</i> (Грозный, Россия)	
Чеченский язык: история и современность.....	
<i>Е.А. Либерт</i> (Новосибирск, Россия), <i>Л.Э. Найдич</i> (Иерусалим, Израиль)	
Меннониты Крыма: новые данные о языке Plautdietsch (по материалам архива В.М. Жирмунского).....	
<i>З.К. Айбазова</i> (Москва, Россия)	
Краткая история изучения карачаево-балкарского языка (на материалах зарубежных и отечественных ориенталистов).....	
ПЕРСПЕКТИВЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ И ВЫЗОВЫ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РОССИЙСКОМ МАСШТАБЕ.....	
<i>М.Я. Каплунова</i> (Москва, Россия)	
Моделирование языковых ситуаций как инструмент языковой политики Российской Федерации.....	
<i>В.А. Кожемякина</i> (Москва, Россия)	
О социолингвистической ситуации коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации.....	
<i>С.В. Кириленко</i> (Москва, Россия)	
Языковые конфликты в полиэтничном государстве.....	
<i>Н.Г. Колесник</i> (Москва, Россия)	
Адыги: некоторые этнолингвистические процессы.....	
<i>Э.В. Хилханова</i> (Москва, Россия)	
Языки национальных меньшинств России на фоне новых мировых тенденций: будет ли использован исторический шанс?.....	